

The background of the cover is a painting. It depicts a woman in a long, dark green dress standing on a black and white checkered floor. She is looking up at a large, bright yellow, irregularly shaped object that resembles a giant's foot or a celestial body, set against a dark, textured background. In the foreground, there is a large white vase and a smaller white cup on the checkered floor.

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел АМНУЭЛЬ

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

**Иерусалим
2011**

Павел Амнуэль

Конечная остановка (сборник)

«Млечный путь»

2011

Амнуэль П. Р.

Конечная остановка (сборник) / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь», 2011

В современной научной фантастике не так уж много идей, связанных с самыми последними научными достижениями и гипотезами. Как устроено мироздание? Что представляет собой загадочная темная материя, заполняющая Вселенную? И что до темной материи нам, людям, с нашими земными проблемами, не связанными, как многим кажется, с Большим Космосом? Что произойдет со Вселенной, когда она через много миллиардов лет застынет на «конечной остановке» перед новым Большим взрывом? И что до этого процесса нам, людям, для кого любовь, дружба, верность важны куда больше, чем далекие проблемы мироздания? Оказывается (и об этом читатель узнает, прочитав произведения Павла Амнуэля), мир страстей человеческих и судьба Вселенной связаны в единое целое. И это не только красивая фантазия, но научно-фантастическая гипотеза, не противоречащая современному научному знанию.

© Амнуэль П. Р., 2011

© Млечный путь, 2011

Содержание

Что-нибудь светлое...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Павел Амнуэль

Конечная остановка

Что-нибудь светлое...

У входа в кафе стояла на гранитном постаменте странная штукавина, имевшая, видимо, какое-то отношение к астрономии, иначе зачем ее здесь поставили? Связка вытянутых блестящих пустотелых конусов, в которых отражалась искаженная кривой поверхностью зелень замечательного сада и голубизна удивительно яркого сегодня неба. Ни облачка. В начале октября – подумать только.

Войдя, Сара почувствовала необъяснимую неуверенность, заставившую ее задержаться в дверях; она даже повернулась, чтобы уйти, но подумала, как это было бы глупо, и направилась к стойке, где были выставлены закуски, салаты и снедь, на которую Сара не обратила внимания. Налила себе кофе, взяла круассан, расплатилась, устроилась в глубине небольшого уютного зала и поняла, почему ей стало не по себе. Ее внимательно, не скрываясь, разглядывал молодой человек, сидевший за первым столиком у двери. Лет двадцать пять на вид. Лицо немного удлиненное, скуластое, взгляд не враждебный, открытый, даже виноватый. Похоже, иностранец. В Кембридже стало слишком много иностранцев – не только студентов, но аспирантов и докторантов. Наверно, и профессоров тоже.

Сара немного застыдилась этой мысли, ей, вообще-то, не свойственной. Она ничего не имела против иностранцев. Традиции доброй старой Англии, требовавшие с подозрением относиться к чужакам, ушли в прошлое. Но вот подумалось...

Мужчина опустил взгляд и перевернул страницу лежавшей перед ним книги. Сара тоже отвернулась, отхлебнула кофе, откусила от круассана – пусть смотрит, если хочет, она не собиралась здесь задерживаться: допьет кофе и поедет домой, в Бакден. Не солоно хлебавши, правда, но она и не ожидала, что обнаружит в архиве обсерватории нечто, способное пролить свет на старую трагедию. Если ей отказали в Скотланд-Ярде, то в Кембридже давно не следовало рассчитывать на успех.

Сара отнесла поднос на стойку, надела через плечо сумку и пошла к двери, стараясь не смотреть на столик, за которым молодой человек продолжал читать книгу, не поднимая головы. Когда она проходила мимо, он неожиданно поднялся, чуть не уронив стул, и произнес стесненным виноватым голосом:

– Извините, мисс.

Сара могла пройти мимо, вроде бы не расслышав. Она так и хотела поступить, тем более, что была немного раздражена. Однако почему-то ноги сами замедлили шаг, и она услышала собственный голос:

– Что вы сказали?

Вечером, вспоминая разговор, она не могла объяснить себе, почему ответила именно так и почему вообще ответила. Почему остановилась, почему посмотрела молодому человеку в глаза и села на предложенный стул, когда он пробормотал: «Я... Нет, я просто... На два слова, вы не против?».

– Хотите кофе?

Сара покачала головой. В чем, собственно, дело? – хотела спросить она, но так и не раскрыла рта, разглядывая своего визави. Небольшая лысина – нынче молодые люди рано начинают лысеть. Едва заметная щетина над верхней губой, будто он лишь пару дней назад решил отращивать усы. Костюм классического покроя, но дешевый – такие можно приобрести в S&A

на распродаже. Тайлер весной хотел купить похожий, но Сара отговорила – главный констебль вне службы не должен выглядеть, будто банковский клерк.

– Простите, – сказал молодой человек. – Мое имя Алкин. То есть, фамилия. А имя – Алекс. Если полностью, Александр. Я здесь постдокторант. Космология. Простите.

Он смутился и замолчал, мучительно, как показалось Саре, соображая, правильно ли построил фразу. Конечно, иностранец. Русский, судя по фамилии. И что?

– Вы хотите что-то сказать? – спросила она, придя Алкину на помощь.

– Нет, не я. Вы, – ответил Алкин и еще больше смутился, отчего на его щеках заиграл румянец.

– Я? – удивилась Сара. Может, в России это такой способ знакомства? – Нет, я ничего не хотела вам сказать.

– Простите, – в третий раз проговорил Алкин. – Сейчас, я сосредоточусь. Так. Вы только что были в архиве и хотели получить сведения о Теодоре Хэмлине, работавшем в обсерватории Кембриджского университета в середине тридцатых годов прошлого века. Я случайно услышал ваш разговор с Синди, простите еще раз.

– Да, – сказала Сара. – Вы знаете что-то о Хэмлине?

– Почему он вас интересует? – вопрос показался Саре невежливым, и она промолчала. – То есть, я хотел сказать, – исправил свою оплошность Алкин, – это было так давно, семьдесят лет назад. Я думал, о Хэмлине все забыли, его работы никто не спрашивал в библиотеке с тридцать девятого года, представляете? И вдруг – вы...

– Вы знаете о Хэмлине? – повторила Сара. – Мне сказали... Синди, да. В архиве есть только три его статьи середины тридцатых. Две – в журнале «Записки Научного общества Кембриджского университета», одна – в рукописи. И все.

– Статьи вас не заинтересовали? – взгляд Алкина стал удивленным. – Я думал... Простите, мисс...

– Сара. Сара Бокштейн.

– Простите мою назойливость, Сара. Я сам обнаружил работы Хэмлина совсем недавно, они показались мне очень любопытными. Для того времени, конечно. Могу представить, как отнеслись коллеги к его идеям. Впрочем, что тут представлять – никак не отнеслись. За семьдесят лет – ни одной ссылки. Будто и не было. Представляете? Он работал здесь три года – с тридцать четвертого по тридцать шестой. И исчез. Ну... то есть, совсем. В дирекции говорят, что он то ли умер, то ли уехал. В архиве не оказалось никаких бумаг, удостоверяющих... Может, умер. Молодой? Я ничего не нашел. Вдруг появляетесь вы и тоже спрашиваете о Хэмлине. Простите, что я так назойливо...

– Он был хорошим ученым? – спросила Сара. Она не думала об этом прежде. Читала, конечно, что Хэмлин работал в Кембридже, она и приехала сюда, потратив полдня, чтобы выяснить хоть какие-то детали, но интересовала ее не наука, которой Хэмлин, похоже, занимался с немалым успехом, а человеческие его качества, его биография.

– Очень хорошим! – с жаром воскликнул Алкин. – Из тех, о ком говорят: непризнанный гений.

– Пожалуй, – сказала Сара, – я бы выпила еще кофе. Черного. Без сахара. Большую чашку.

* * *

Бакден – городок, каких в Англии тысячи, ничего особенного. То есть, ничего особенного, когда живешь там, ходишь каждый день на работу в мэрию и привыкаешь видеть красно-кирпичную крепостную стену с одиноким донжоном, на крыше которого развевается желто-зеленый флаг, некогда бывший фамильным для местного феодала, сэра Генриха Талбота.

Ничего особенного, когда знаешь чуть ли не каждого пятого, а те, кто здесь родился и вырос (тетушка Мэри, например, или молодой, да ранний, выпивоха Сэм), знают, наверно, всех жителей если не по имени, так в лицо. Для туристов Бакден – сохранившийся до XXI века осколок старой Англии. Первые упоминания о деревне относятся к 1049 году, эпохе Вильгельма Завоевателя. Впрочем, первые упоминания стали едва ли не единственными. Крепость построили в XV веке, остальные дома гораздо моложе, большая часть – постройки уже века двадцатого. Население росло медленно – по данным 2004 года, в Бакдене проживали три тысячи двести семнадцать человек. Считая Сару Бокштейн, приехавшую сюда два года назад, когда мэру понадобился специалист по компьютерам, в одном лице системщик и веб-дизайнер, и в железе чтобы понимал, в общем, универсал, потому что платить целой группе работников денег у мэрии не было. Сара в это время искала работу, желательно подальше от родного Портленда, шумного и безалаберного. В компьютерном железе она разбиралась не лучше (но и не хуже) любого продвинутого пользователя, послала в Бакден автобиографию, в которой, по сути, ничего не было, кроме названия колледжа, хорошего, да, но все-таки не из престижных, и получила приглашение на работу, изрядно удивив родителей, уверенных, что их любимая дочь никогда не покинет родных стен.

В Бакдене Сара сняла комнату у тетушки Мэри, быстро обустроила быт, неожиданно осознав, что умеет легко приспосабливаться к обстоятельствам, на работу ходила пешком по зеленым и приветливым улицам мимо крепостной стены и донжона. Год спустя купила подержанный «форд-транзит», чтобы в выходные ездить по окрестностям – в Грэфхем, к примеру, до которого было три мили и где находился замечательный, известный во всем Кембриджшире, яхт-клуб на изумительно красивом озере Грэфхем Ватер. Часто бывала Сара и в Кембридже, ближайшем относительно большом городе, где можно было гулять часами, заходить внутрь университетских кампусов, наблюдая за бурной студенческой жизнью и сравнивая с ее пребыванием в колледже, казавшемся сейчас пределом скуки. «Господи, как я провела свои лучшие годы?» – думала Сара, и ей становилось грустно, она звонила маме в Портленд и разговаривала с ней часами, чего не делала раньше, когда жила дома.

Работа в мэрии оказалась не очень интересной, но важной и, как однажды выразился Тайлер, – затягивающей. Тайлер Бакли, главный констебль округа, уверенный в себе тридцатилетний холостяк, вошел в ее жизнь едва ли не с первого дня, но никогда не навязывал себя, хотя и ясно – сразу – дал понять, что она ему нравится. Он хотел более близких отношений, Сара прекрасно это понимала, но не то чтобы не торопилась, скорее не ощущала в себе желания сблизиться. Наверно, это называлось отсутствием родственности душ или как-то иначе, Сара не стремилась дать определение своим чувствам (или их отсутствию). Просто говорила «да», когда Тайлер приглашал ее поехать купаться на Грэфхем Ватер, и «нет», если он зазывал ее к себе, в одиноко стоявший на отшибе домик, купленный, когда Бакли назначен был руководить местным полицейским участком. Тайлер был терпелив, он так же и преступников ловил, наверно – не торопясь, заранее расставляя сети и следя, чтобы преследуемый не скрылся раньше времени. В конце концов... Впрочем, о том, что в конце концов она скажет Тайлеру «да» и переедет в его дом с видом на проходившее мимо городка магистральное шоссе, Сара предпочитала пока не думать. Пусть все идет, как идет.

Все и шло, как шло, до тех пор, пока две недели назад Тайлер не сделал ей неожиданное предложение – нет, не выйти замуж, хотя, когда он сказал «хочу тебе предложить», Сара вздрогнула и мысленно отодвинулась от Тайлера подальше.

– У нас в архиве полиции, – продолжал Бакли, – куча всяких дел скопилась, понимаешь... Я как-то сунулся, нужно было найти документ за семьдесят третий год, так два часа потратил, пока отыскал нужную бумагу. Я вот что хотел тебе предложить, Сара. Надо бы архив оцифровать, фотографии отсканировать. Давно надо было сделать, на это и деньги в бюджете

предусмотрены. В общем, займись, а? Опять же, добавка к зарплате. Деньги небольшие, а пыли там много, но...

– Хорошо, Тайлер, – сказала она. – Разве я против? Любопытно будет разгребать секретные полицейские архивы.

– Господи! – всплеснул руками Бакли. – Какие секреты? Обычная полицейская рутина. Так ты берешься?

Она взялась. Почему бы нет? Когда заканчивался рабочий день в мэрии, переходила улицу и еще пару часов трудилась на Тайлера, который тоже по вечерам предпочитал засиживаться на работе, делая вид, будто дожидается донесений от кого-нибудь из пяти своих констеблей, патрулировавших улицы обычно тихого Бакдена. Часа через два Тайлер заходил в комнату, выделенную Саре для работы, и спрашивал:

– Устала? Пойдем, поужинаем?

– Хорошо, – соглашалась она, они закрывали кабинеты, в участке оставался дежурный, и отправлялись в «Башню», где чета Робертсонов готовила лучшие в городке блюда из телятины. В тот вечер, две недели назад, Тайлер вошел, как обычно, и, как Сара уже привыкла, сказал свое: «Устала? Поужинаем у Робертсонов?»

– Что это? – спросила она, протягивая пожелтевший лист протокола. – Шутка? Или на самом деле?

Бакли взял лист в руки, прочитал написанный не очень разборчиво текст и воздел очи горе:

– Ты еще не слышала эту историю? Местная легенда. Я и не знал, что бумага сохранилась в архиве, в голову не приходило проверить. Дело тогда забрал Скотланд-Ярд, все документы подчистую, я думал, они вообще ничего не оставили. А вот поди ж ты... Да, интересно.

Он еще раз пробежал взглядом по строчкам, положил лист на стекло сканера и сказал:

– Пойдем, Сара, я тебе за ужином расскажу эту историю, насколько сам ее знаю. Все-таки прошло семьдесят лет, только слухи и остались...

* * *

Шел 1936 год. Обычный, не особенно тучный, не слишком худой. Главным констеблем в Бакдене был в те годы Оуэн Диккенс, добросовестный, судя по всему, полицейский, молодой еще и, похоже, достаточно амбициозный. Неженатый, кстати. На почте, что и сейчас расположена на перекрестке Глеб-лейн и Мейнор-гарденз, работала некая Дженнифер Поллард, девятнадцатилетняя девица, о которой ходили слухи, будто она раздавала авансы многим молодым людям в деревне, но никому на самом деле не обломилось, потому что была Дженнифер строгих нравов, и как эти две черты характера могли сочетаться в одном человеке, одному Богу известно. Впрочем, от женщин, особенно молоденьких, можно ожидать всякого.

Ухаживал за Дженнифер и кэп Манс Коффер. Почему кэп – никто сейчас не скажет, похоже, он действительно служил когда-то во флоте, вышел в отставку и купил домик в Бакдене. Когда это случилось, было Кофферу под пятьдесят. Как-то утром молочник, оставляя бутылку на крыльце, обнаружил и вчерашнюю, стоявшую там, где он ее поставил. Понятно, это показалось странным, и молочник принялся стучать в дверь, а потом колотить изо всех сил. Никто не ответил, и молочник сообщил о своих подозрениях в полицию. Диккенс прибыл на место с двумя констеблями, стучал, заглядывал в окна – кончилось, короче говоря, тем, что дверь взломали и обнаружили кэпа в спальне. Он лежал на полу за кроватью (потому его не видно было из окна), и в груди у него была рана – чуть ниже левого соска. Крови натекло много, врач сказал впоследствии, что кэп умер от потери крови, и, если бы его вовремя обнаружили, то остался бы жив, поскольку сама рана, несмотря на угрожающее расположение, была не особенно опасной, ибо не задевала ни одного жизненно важного органа.

Убийство – событие для Бакдена экстраординарное. У Диккенса не было прав лично расследовать столь тяжкие преступления. Поэтому он позвонил в Кембридж, в полицию графства, откуда через несколько часов прибыла группа расследования. Дело с самого начала выглядело загадочным – классическая задача запертой комнаты. Входная дверь дома оказалась не просто заперта изнутри, но еще и засов был задвинут. Черного хода не было. Окна тоже закрыты и заперты на щеколды, достаточно тугие, чтобы их было невозможно опустить в пазы, если, например, убийца вылез бы в окно и затем с силой его захлопнул. Никаких следов взлома. Никаких отпечатков пальцев, кроме пальцев самого кэпа и миссис Холден, приходившей дважды в неделю готовить Кофферу горячую еду и убирать в комнатах. Миссис Холден допросили, конечно, но у женщины оказалось железное алиби – она два дня гостила у сына в Корнуолле, никуда не отлучаясь. Да, и орудия убийства тоже не нашли, вот что самое удивительное. Это должен был быть узкий нож или стилет, что-то такое.

На дознании коронер, приехавший из Кембриджа, вынужден был довольствоваться вердиктом: «Убийство, совершенное неизвестным или неизвестными», и полиция продолжила расследование без особой надежды на успех.

Через три (или четыре?) дня после того, как был найден труп Коффера, мальчишки, гонявшие мяч, увидели лежавшего на пороге своего дома Мэта Гаррисона, молодого солиситора из адвокатской конторы «Берримор и сын». Он был жив, но, если бы на него не обратили внимания, несомненно, умер бы от потери крови, как бедняга кэп. В его груди оказалась точно такая же рана – на том же месте, той же глубины и, скорее всего, нанесенная тем же оружием. Гаррисона отвезли в университетскую больницу в Кембридже, где он вскоре пришел в себя, но не смог пролить свет на странное преступление, поскольку ничего и никого не видел – вышел из дома, чтобы сесть на велосипед и поехать в офис, и вдруг потерял сознание.

Врагов, кстати, как утверждали все, знавшие и кэпа, и Гаррисона, не было в деревне ни у того, ни у другого. Вердикт коронера оказался таким же, как в деле Коффера, только вместо «убийства» было «тяжкое телесное повреждение».

Детективы из Кембриджа, опросившие едва ли не половину населения Бакдена, оказались не в состоянии найти хоть какие-то улики, люди в деревне роптали, разговоры были только об этих двух происшествиях, так что, когда случилось третье, никто, похоже, не очень и удивился. В своей кухне нашли Джека Петерсона, юношу, что ухаживал за Дженнифер Поллард и которому она неоднократно делала сначала авансы, а потом, как прочим, дала от ворот поворот. Рана оказалась точно такой же, как в двух предыдущих случаях – удар острым ножом чуть ниже левого соска, важные для жизни органы не задеты, крови много, но и Петерсону удалось выжить, поскольку помощь явилась удивительно вовремя – к юноше пришел кто-то из его знакомых и увидел... Нож не обнаружили, никаких отпечатков пальцев, убийцу парень не видел. Как и Гаррисон, занимался своим делом и неожиданно потерял сознание.

Понятно, стали говорить, что в деревне зверствует психопат, как сейчас сказали бы – серийный убийца. Люди косились друг на друга, перестали выходить по ночам, хотя на Мэта и Джека напали среди бела дня. Детективы из Кембриджа ничего не добились, и Диккенс обратился в Новый Скотланд-Ярд, откуда в тот же день прибыла группа по главе с суперинтендантом Эйданом Алисоном, в те годы это был человек хорошо известный, распутавший немало сложных дел. Наверно, он думал, что и в Бакдене проявит себя. И надо же было так случиться, что именно в тот час, когда Диккенс водил Алисона и его людей по местам преступлений, было совершено еще одно – чуть ли не у них на глазах. Детективы входили в дом кэпа, когда подъехал на велосипеде посыльный из участка и сообщил, что на поляне рядом с Крепостью нашли истекавшего кровью молодого кровельщика Сэма Коллинза. Все то же самое: рана ниже левого соска, острый нож, который не нашли, жертва никого не видела, внезапно потеряла сознание...

Как под копирку. Четыре случая за несколько дней. Один убитый и трое раненых – такого не случалось, кажется, со времен Войны роз.

Тогда-то Диккенсу и пришла в голову мысль. Он все время пытался сообразить – что между этими преступлениями общего, кроме, конечно, почерка и отсутствия улик? Общий мотив? Даже у психопата должна быть идея – пусть навязчивая и иррациональная. И вот что Диккенс подумал: все четверо в разное время (а бывало – и одновременно) ухаживали за Дженни Поллард, к которой и сам главный констебль дышал неровно и надеялся когда-нибудь укротить своенравную девицу.

Подумал ли он о том, что следующей жертвой мог стать сам? Испугался ли? Молва об этом молчала, Диккенс на этот счет никаких сведений не оставил, так что можно было только догадываться. У него, однако, появилась зацепка – кто-то из получивших у Дженнифер отставку решил отомстить соперникам таким странным способом. Это значительно сужало, как считал, должно быть, Диккенс, круг подозреваемых: чтобы осуществить нападения и не оставить следов (да еще и задать неразрешимую задачу запертой комнаты), нужно было обладать недюжинным умом, какового у большинства ухажеров не было по определению.

Кроме одного. В доме у миссис Рэдшоу на Силвер-стрит снимал комнату Теодор Хэмлин, ученый молодой человек, работавший в обсерватории Кембриджского университета. Почти каждый день он ездил на работу за двадцать миль на поезде, проезжавшем мимо деревни в семь двадцать утра, и возвращался вечером, на последнем поезде (в шестидесятых годах линию сняли и проложили до Кембриджа магистральное шоссе). Ничем себя в деревне Хэмлин не проявил, его бы и вовсе не замечали, если бы молодой ученый однажды не явился на почту отправлять бандероль и не положил глаз на Дженнифер. Не он, конечно, первый, не он последний. В тот же день Хэмлин пригласил девушку в кино, и она согласилась – Дженнифер никогда никому не отказывала в первом шаге, присматривалась, наверно, делала свои выводы. Второй и, тем более, третий шаг сделать мало кому удавалось, но это уже другая история. Хэмлин дежурил у почты, когда был свободен от дел в обсерватории. Он просиживал часы на скамейке напротив дома, где жила с родителями Дженнифер. Кто-то из ее поклонников как-то даже хотел «начистить наглецу физиономию», но до рукоприкладства все же не дошло, и слава Богу – Диккенсу не улыбалось разбираться в участке с потенциальными ухажерами его дорогой Дженнифер.

Значит, Хэмлин? В тихом болоте черти водятся. Только он мог придумать сложный и не разгаданный трюк с запертой комнатой. Только он мог придумать столь странную месть каждому, кого считал соперником. Придумать-то мог, но – осуществить? Воображение у Диккенса отказывало, да и суперинтендант из Скотланд-Ярда тоже, по-видимому, так и не понял, как преступник проник в запертый дом. Конечно, если кто-то это сделал, значит, такая возможность существовала, значит, на самом деле в момент совершения преступления дом не был заперт, это очевидно, и только потом убийца изобразил... как?

За давностью лет трудно что-то утверждать наверняка, но, должно быть (во всяком случае, так действовал бы сам Бакли), полиция установила негласное наблюдение за перемещениями Хэмлина. Наверно, суперинтендант из Скотланд-Ярда навел справки в Кембридже. Все, что положено делать в ходе оперативной разработки подозреваемого, было сделано, только это не помешало произойти событию, о котором в деревне предпочитали не вспоминать – тем более, что и вспоминать было практически нечего: в тот же день, когда погиб Хэмлин и случились связанные с его смертью загадочные события (если только это не было игрой воображения и сложившимся за годы мифом), тело увезли в Лондон, все документы суперинтендант у Диккенса изъясил и забрал с собой якобы для экспертизы, и на этом «дело Хэмлина» для полиции Бакдена закончилось. Никакой новой информации Диккенсу вывести у своих лондонских коллег не удалось. Точнее – может, и удалось, но в архиве об этом не сохранилось ни одного документа, а слухи, ходившие по деревне, в конце концов затихли. Во время войны многие из Бакдена уехали, некоторые погибли на фронте, сменились поколения. В общем, сейчас, семьдесят лет спустя, главный констебль Бакли так и не смог рассказать Саре Бокштейн ничего

такого, что удовлетворило бы ее любопытство и (или) рассеяло мистическую атмосферу, окружавшую события странного дня в октябре 1936 года.

В тот день Диккенс отправил сержанта домой к Хэмлину с приглашением явиться в полицию для дачи свидетельских показаний. Мол, поговорим сначала отстраненно, а потом посмотрим. Была пятница – по пятницам Хэмлин обычно в Кембридж не ездил, занимался научными изысканиями у себя за столом, что-то писал на длинных листах, какие-то формулы, которые, похоже, и сам считал чепухой, потому что миссис Рэдшоу в больших количествах находила эти листы в корзине и выбрасывала с прочим мусором.

Сержант явился, и миссис Рэдшоу сказала, что, мол, да, жилец у себя, можете пройти, он обычно не запирается. Точно – комната оказалась не только не запертой, но дверь даже была немного приоткрыта, сержант постучал и, не услышав ответа, вошел. До этого момента в мифах, связанных с гибелью Хэмлина, нет никаких расхождений. Дальше начинается то, что Бакли назвал местными фантазиями, Диккенс в свое время отнес к мистике, а Сара Бокштейн решила попытаться объяснить реальными фактами.

Сержант нашел Хэмлина сидевшим за столом. Голова была откинута, мертвый взгляд уставился в потолок. Отчего умер молодой ученый, было непонятно – никаких следов насилия при осмотре тела сержант не обнаружил. Сердечный приступ? Яд? Кто его знает. Телефона в доме миссис Редшоу не было, и сержант помчался в участок, благо это было недалеко, минут через десять он докладывал главному констеблю Диккенсу и суперинтенданту Алисону о том, что видел только что собственными глазами.

На место трагедии отправились все: суперинтендант, главный констебль, сержант и двое детективов, приехавших с суперинтендантом из Лондона.

«Где у тебя были глаза?» – наверно, так обратился к незадачливому сержанту его непосредственный начальник, увидев в груди Хэмлина рану, которая и была, скорее всего, причиной смерти: кто-то уверенно ударил беднягу ножом, попав, по-видимому, точно в сердце, поскольку, как это бывает в подобных случаях, крови на этот раз вытекло совсем немного, на светлой рубашке был замечен небольшой разрез, окруженный багровым пятнышком размером с монету в полшиллинга.

«Не было этого!» – скорее всего, воскликнул сержант, уверенный в том, что внимательно осмотрел тело, прежде чем бежать и докладывать.

Никто ему, похоже, не поверил.

Орудия убийства, как и в других случаях, на месте не оказалось. Никаких отпечатков пальцев, кроме пальцев самого Хэмлина и хозяйки, миссис Редшоу. В комнате были открыты оба окна, дверь, как уже упоминалось, тоже была не заперта, так что войти и уйти мог кто угодно – правда, миссис Редшоу уверяла, что все утро просидела в гостиной, откуда по коридору только и можно было пройти к Хэмлину. Никто не приходил, не выходил, пусть Диккенс и господин из Лондона не городят чепухи, бедняга Хэмлин все время был один, и в окно тоже никто не влезал, посмотрите на землю, она же мокрая после ночного дождя, вы видите хотя бы один след? Нет? Так о чем речь?

Суперинтендант позвонил в Лондон, чтобы прислали экспертов и патологоанатома. Приехавший из столицы первым утренним поездом судебный медик возмущенно объявил, что не понимает, за каким дьяволом его ввели в заблуждение, поскольку Хэмлин умер не от ножевого ранения, а вовсе даже от удушения, и каждый человек, имеющий глаза, может видеть...

Все увидели, и можно представить, о чем подумали. Действительно, в груди Хэмлина не было раны, рубашка не была проколота ударом острого предмета, отсутствовал и кровавый кружочек размером с монету в полшиллинга. Зато на шее убиенного ясно были видны следы сдавливания (веревкой, скорее всего), а выпученные глаза смотрели вовсе не с таким презрительным спокойствием, как вчера, когда тело осматривали пять человек, в компетентности которых не могло возникнуть сомнений.

Суперинтендант позвонил в Скотланд-Ярд, получил указания, о содержании которых не поставил в известность своего бакденского коллегу, и в тот же вечер в прибывшем из Лондона полицейском фургоне тело Хэмлина было увезено, и вместе с ним Бакден покинула группа по расследованию в лице суперинтенданта и двух его помощников.

Вот, собственно, и все. Бумаги Алисон увез с собой, и больше о событиях в Бакдене ни главный констебль, ни его сотрудники, ни прочие жители деревни не имели никакой информации. В Скотланд-Ярде на запросы Диккенса не отвечали и с суперинтендантом не соединяли, выдумывая всякий раз нелепые предлоги и доводя главного констебля до белого каления, поскольку ему приходилось отвечать на многочисленные вопросы сельчан. Понятно, что история с двумя смертями и тремя ранениями быстро приобрела все качества мифа – к уже известной тайне гибели Хэмлина молва добавила еще одну: когда мертвеца довели, наконец, до столичного морга, главный судебный медик Скотланд-Ярда констатировал, что смерть молодого ученого произошла от утопления. Убийца, мол, сунул голову Хэмлина в воду и держал, пока тот не захлебнулся. Поэтому одежда его осталась сухой, а в легких была вода.

Легенда, в общем...

* * *

– Неужели ты не пытался выяснить, чем все это кончилось? – удивилась Сара.

– Послушай, – с легким раздражением ответил Бакли. – Во-первых, ты этот документ только что нашла, а я даже не подозревал о его существовании. Во-вторых, для меня эта история была местным фольклором, вроде легенды о том, как в семнадцатом веке славный рыцарь Киплинг осадил крепость Бакден, ту, что ты видишь за окном, и ему помог победить никто иной, как дух короля Карла Первого, явившийся осажденным и напугавший их до полусмерти.

– Но ты мог хотя бы позвонить в Лондон и поинтересоваться...

– Чтобы надо мной посмеялись?

– Какой-то ты... – сказала Сара, не уточняя, и в тот вечер отказалась пойти с Тайлером на представление в крепости, сославшись на головную боль, – типично женская отговорка.

* * *

– И вы решили выяснить это сами! – воскликнул Алкин, с восторгом глядя на Сару, будто она на его глазах совершила подвиг, достойный если не Геракла, то Афины-воительницы.

– Выяснить... – с некоторым смущением отозвалась Сара, вспоминая свою поездку в Лондон и бессмысленное топтание в вестибюле не главного даже, а одного из второстепенных зданий Нового Скотланд-Ярда, куда обычно допускают посетителей, не удостоенных быть принятыми кем-нибудь из действительно важного и компетентного начальства.

– Да, решила, – сказала она с вызовом. – Разве это не странная история? Пусть и легенда. Но ведь...

– Нет дыма без огня, – подхватил Алкин, не отрывая взгляда от взволнованного лица девушки. – Очень-очень странная история. Мистическая. Что вам удалось узнать в Лондоне? То есть... Можно, я экстраполирую? Или, точнее... Предскажу?

– Угадаю, – улыбнулась Сара. – Наверняка вы угадали правильно.

– Вас не пустили в архив.

– В архив никого не пускают. Я запросила документы по делам, переданным в Ярд из Бакдена в октябре тридцать шестого. Получила отказ. Решила: отказали потому, что запрос я подала через интернет – у них тоже, скорее всего, не весь архив оцифрован. Поехала в Лондон, там у меня подруга... неважно. Явилась в Ярд и целый день провела в приемной, мне никогда нигде не приходилось ждать так долго и бессмысленно. «Хотите кофе?», «Погуляйте часок,

а потом...» Все отговорки, какие существуют. И отказали – как раз без минуты пять вечера, когда рабочий день в архиве заканчивается, и начинать новый тур запросов бессмысленно. Наверно, надеялись, что я не стану приезжать еще раз, но я пришла наутро, подала новую заявку, и на этот раз меня провели к довольно высокому чину. Я в званиях не разбираюсь, он был в штатском. Наверно, важная архивная крыса. Он мне очень толково и вежливо объяснил, что материалы семидесятилетней давности оцифровке не подлежат, и для того, чтобы хотя бы ответить на вопрос, существуют ли документы или уничтожены двадцать лет назад, когда истек полувековой срок хранения, нужно подавать прошение не от частного лица, а от полицейской инстанции, которой по каким-то (указать каким) причинам необходимо иметь информацию... В общем, я попрощалась и ушла. Господи, такой бюрократии я не видела никогда в жизни!

– Знакомо, – вздохнул Алкин. – Вы не против, Сара, если я закажу нам по омлету? Вам с беконом или зеленью?

– Просто омлет, – сказала Сара, неожиданно ощутив голод. Она не ела с утра, выехала из Бакдена в половине восьмого, а сейчас уже далеко за полдень.

Алкин поднялся и направился к барной стойке, где у него быстро приняли заказ, и он вернулся со словами:

– Сейчас принесут. Послушайте, – добавил он, – мне почему-то кажется, что мы с вами не случайно встретились, тут явная синхронистичность, нужно это использовать по полной программе. Я что-то не то сказал? – спросил он смущенно, заметив легкую тень недоумения на лице Сары. – Извините, мне все время кажется, что мой английский никуда не годится.

– У вас отличный английский, – быстро сказала Сара, подумав «да, для иностранца». – Но вы не сможете мне помочь, верно? Легенда так и останется. Тайна запертой комнаты. Вы говорите – мистика. Но вы не можете так думать.

– Да? – сказал Алкин со странной интонацией, то ли ироничной, то ли загадочной. – Почему, собственно?

– Как... – растерялась Сара. – Вы ученый. Да? Астроном.

– Космолог, – поправил Алкин. – Это не совсем одно и то же.

Принесли омлеты, и какое-то время оба молчали, переглядываясь и продолжая молчаливый разговор. Пришлось, конечно, сменить тему, о конкретных вещах взглядами не поговоришь, но Сара, как ей показалось, сумела прочитать в глазах Алкина, что ему хорошо здесь, в Кембридже, он достиг едва ли не всего, о чем мечтал, ведь сам он из российской глубинки, из небольшого городка вроде Бакдена, поэтому он так... не то чтобы стесняется... но ведет себя скованно, другой на его месте забросал бы Сару вопросами, узнал бы, свободна ли она сегодня вечером, и как она на самом деле относится к Тайлеру, нет, он точно не из Москвы, Сара видела москвичей, в прошлом году приезжали трое на машине, хотели снять дом на лето, а то и купить, но ничего не получилось, люди в Бакдене очень осторожные, иностранцев не любят, а эти еще и вели себя, будто все на свете перекупили. Кто-то даже Тайлеру пожаловался – русские, мол, нарушают общественный порядок, но что Бакли мог сделать? Ничего они, конечно, не нарушали на самом деле, а за не слишком, предположим, уважительное отношение к местным жителям («аборигенам», кто-то из них сказал, и это слышали) в полицию не забирают.

– Вы из Москвы? – не удержалась Сара от вопроса.

– Из Московского университета, да, – Алкин, похоже, не понял, о чем она хотела спросить, и Сара объяснила:

– Родились в Москве?

– Нет, – покачал он головой, аккуратно подбирая вилкой кусочки бекона, – я из Вичуги, это небольшой город, восемь часов от Москвы. Немного, вроде бы, но такая... провинция, да. Представляете, Сара, там до сих пор интернет только мобильный, работает отвратительно, я приезжал в прошлом году к родителям... Простите, – прервал он себя, – вам это совсем не интересно.

– Почему же...

– Не интересно, – повторил он, отодвигая тарелку. – У вас есть время? Я не... То есть, я вовсе не посягаю... Посягаю? Я правильно выбрал слово?

– Смотря что вы имеете в виду, – улыбнулась Сара.

– Я имею в виду, что вы рассказали о Хэмлине, и теперь я знаю, почему после тридцать шестого года не вышло ни одной его работы. А вы еще не знаете, какой это был ученый, и почему я заговорил о синхронистичности.

– Я ничего не понимаю в астрономии...

– Неважно. Если вас интересует, что произошло в Бакдене семьдесят лет назад, то нужно знать все факты, верно? Значит, и то, чем Хэмлин занимался в своей профессии.

– Разве это обязательно? – не согласилась Сара. Ей не хотелось выслушивать скучную лекцию. – По-моему, профессор и сантехник поступают одинаково, когда речь заходит о женщине. Или о деньгах. Я хочу сказать...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, Сара, – с жаром воскликнул Алкин и взял ее ладони в свои. Это получилось так неожиданно, что оба смутились, но почему-то Саре оказалось приятно это пожатие, Тайлер тоже, бывало, брал ее за руки, но делал это совсем иначе, и она хотела понять, в чем отличие.

– Я понимаю, – повторил Алкин. – Но вы неправы. То есть, конечно, в определенных обстоятельствах все мужчины ведут себя почти одинаково, независимо от профессии. Но в некоторых... Скажем, моряк, не задумываясь, завяжет веревку морским узлом, и это поможет опознать... Нет, я тоже не совсем точно объясняю. Простите, когда я волнуюсь, то забываю слова...

– Ничего, – сказала Сара. – Неважно. Расскажите о Хэмлине. Он был космологом, как вы?

– Как я? – повторил Алкин. – Нет, куда мне! Впрочем...

* * *

Сара, я с детства хотел стать космонавтом. В нашем городке о космосе мечтали, по-моему, двое: вторым был сторож дядя Костя, охранявший напротив нашего дома склад, похожий на тюрьму. По ночам, чтобы не заснуть, дядя Костя распевал во всю глотку самим, видимо, сочиненную песню о том, как он поднимется в большой ракете высоко на орбиту, найдет оттуда в бинокль дом своей бывшей супруги Катерины и ударит по этой твари... Он пел не «ударю», конечно. Может, в английском такого слова и нет вовсе, а по-русски «жахну». Чем «жахнет», дядя Костя каждый раз придумывал заново, не заботясь о рифме и смысле, но, главное, громко, и весь наш дом слушал эту боевую песню – летом, когда окна открыты, особенно внимательно, – и все, включая меня, искренне желали, чтобы дядя Костя стал, наконец, космонавтом и улетел из нашего города к чертовой матери. Но только я мечтал полететь вместе с ним, поскольку у меня ракеты не было, а дядя Костя свою, как мне казалось, уже построил и только ждал случая запустить двигатель.

Смешно? Мне самому сейчас это видится если не смешным, то безумным, а мальчишкой я к полету на дяди Костиной ракете относился серьезно, но так и не решился подойти к нему и записаться в команду.

После школы предпочтения мои изменились, в космос уже не хотелось – я понял, что выше двухсот-трехсот километров не подняться, а что мне делать на орбитальной станции? Дрозофил выращивать и наблюдать вражеские объекты для нашего военно-промышленного комплекса? Поэтому поступать я решил в Москве на астрономическое отделение: с одной стороны, к звездам ближе, с другой – там нужна была математика, которую я хорошо знал и однажды выиграл премию на областной олимпиаде.

Это совсем не интересно на самом деле, я только хочу объяснить, почему занялся космологией. Я был на третьем курсе, когда в Москву приехал с лекциями Хокинг. Здесь, в Кембридже, каждый студент может прийти к нему на обед и будет принят, расскажет профессору о своих исследованиях и услышит совет или критику. Вы наверняка видели, как Хокинг выезжает во двор кампуса в своей знаменитой коляске, его окружает толпа, и каждый задает вопрос... Нет? Ни разу не были в университете до нынешнего утра? Ну, это... Впрочем, я знаю коренных москвичей, которые ни разу в жизни не побывали в Большом театре. Я не осуждаю, просто хочу сказать... Неважно.

Хокинг всех обаял своим мужеством, умом, блестящим остроумием, а меня – словами о том, что космос это, прежде всего, не звезды, не галактики, это элементарные частицы, кванты, поля, и чтобы понять Вселенную, нужно не квазары изучать (или не только квазары), а самую глубину материи.

Я так и поступил. И знаете, Сара, у меня опять появилась мечта – вместо той, о полете в космос. Поработать в Кембридже. Не у Хокинга, об этом я и мечтать не смел, но хоть у кого-нибудь. Подышать этим воздухом, ходить по этим зеленым улицам, глядеть в воду Кема, работать в библиотеке, где читал и писал свои книги сам Ньютон. И еще Дарвин, Резерфорд, Максвелл, лорд Кавендиш... Какие имена! Окончил университет, написал и защитил диссертацию... А потом – три года назад – послал свое резюме без какой бы то ни было надежды, что решение окажется положительным. Так и произошло, мне отказали. Причина придала мне смелости, Сара, как ни странно: отказали потому, что в Кембридже в тот год не нашлось специалиста, который мог бы взять меня к себе. Единственный специалист в области космологии, профессор Давидсон, находился в Штатах и должен был вернуться через год. Тогда, мол, и имеет смысл заново обратиться... Я обратился в прошлом году и получил приглашение. Все, как видите, банально и не интересно. За время студенчества и аспирантуры я подрабатывал и скопил кое-какие деньги, ерунду, конечно, но и она мне помогала в первые месяцы, пока я не начал получать стипендию, а еще мне выделили деньги из фонда Кавли на съем комнаты.

На работы Хэмлина я наткнулся случайно – мне нужна была статья американского астрофизика Фрица Цвикки, опубликованная в тридцать четвертом году в малоизвестном журнале. В электронном каталоге библиотеки я этот журнал нашел, но одновременно получил названия статей, авторы которых ссылались на работу Цвикки. Всего три за все эти годы, причем две принадлежали какому-то Хэмлину, работавшему здесь, в Кембридже. Третьим на статью Цвикки сослался Джеффри Бербидж много лет спустя. И все. Статья замечательная. По сути, Цвикки предсказал то, что мы сейчас называем темной материей. Описал проявления абсолютно точно и даже название придумал – скрытая масса. Если бы он опубликовал статью в «*Astrophysical Journal*», эффект наверняка получился бы иным.

Мне стало любопытно, что это за Хэмлин такой. Он на работу Цвикки сослался еще в тридцать шестом, значит, она показалась ему интересной, привлекла внимание. В каталоге были ссылки, но самих статей в электронном виде я не обнаружил и обратился к библиографу. Вы не поверите, Сара, но я оказался первым, кто затребовал этот том «Записок Научного общества Кембриджского университета» после тысяча девятьсот тридцать девятого года! Почти три четверти века журнал простоял на полке в печали и недоумении, никому не интересный и никем не востребованный. Господи, подумал я, разве не то же самое происходит почти с каждым из нас – вот так же мы стоим каждый на своей жизненной полке, и кому мы нужны на самом-то деле, кто о нас вспоминает, кто нас вытаскивает из нашей ячейки, чтобы поднести к свету и убедиться, что и этот человек являет собой целую вселенную? Мы любим говорить об этом, но сразу забываем, когда речь заходит не о себе-любимом, а о неизвестном, которому мы могли бы помочь своим вниманием...

Простите, Сара, я начинаю волноваться, когда... Эти статьи не известного мне Хэмлина заставили меня... Не хочу произносить высокие слова, но иначе не получится, так что опущу

славословия. Собственно, я хотел рассказать... И подбирался так долго, чтобы сконцентрировать мысль.

Когда я прочитал первую статью Хэмлина, у меня дух захватило. Или, как говорят по-русски, «дыханье сперло». На английский я это, пожалуй, не переведу, да и неважно. Хороший язык английский, в нем слов раза в два больше, чем в русском, но все равно по-русски можно выразить такие тонкие движения сознания, какие по-английски не получится. Вы правы: наверно, это потому, что я не очень хорошо знаю язык... Ладно, я не о том. Статья Хэмлина, да. Вы знаете, что такое фермион? А бозон? Я понимаю, слышали – а что... Простите, Сара, я не над вами смеюсь, скорее над собой – почему-то мне кажется: если я что-то знаю, то и другим это должно быть известно, ведь я ничем от прочих людей не отличаюсь. Руки-ноги, голова такая же, так почему я что-то знаю, а другой – нет? Поэтому из меня не вышло учителя – совсем не умею преподавать, сразу начинаю сердиться, если кто-то не понимает... Нет, к вам это не относится! О чем я? Да, фермионы. Это элементарные частицы, которые вращаются особым образом. Квантовый мир, там всё порциями, как в ресторане. Заряды – порциями. Пространство – порциями, как ни странно это выглядит. Время, представляете, тоже порциями, квантами. И вращение элементарной частицы квантуется, не может частица вращаться так, как ей хочется. Только определенным образом. Это называется спином. Спин – вращение, да. И спин бывает не всякий. У фотона, световой частицы, спин равен нулю. У нейтрино тоже. Есть спин, равный половинке. Есть – единичке. Полтора. Два. Два с половиной. Только по половинке, так это устроено. У электрона спин равен половинке целого, а у нейтрона – единице. Энрико Ферми в середине двадцатых годов описал, как должны взаимодействовать друг с другом частицы с полуцелым спином. С таким: половинка, полтора, два с половиной. А Эйнштейн тогда же рассчитал, как взаимодействуют частицы, чей спин целый – ноль, единица, двойка... Оказалось, что эти частицы очень по-разному себя ведут. Частицы, описанные Ферми, их называли фермионами, не могут быть одинаковыми, все они хоть чем-то непременно должны друг от друга отличаться. Если одинаковые энергии, то разные координаты. Или скорости. Представьте комнату, где много-много полочек. Каждая полочка – особое состояние частицы. Так вот, два фермиона ни при каких обстоятельствах не могут оказаться на одной полочке. Если полочка занята, фермион обязательно займет другую полочку, пусть соседнюю, рядом, но не ту же самую, там для него места нет. А другой тип частиц, описанный Эйнштейном и индийским физиком Бозе, эти частицы называли бозонами, так вот, бозоны друг друга не чураются и запросто могут занимать одну и ту же полочку. На одной полочке – в одном квантовом состоянии – могут оказаться миллионы бозонов. Или триллион. Сколько угодно.

Я вижу, Сэм принес булочки. Здесь пекут собственную сдобу, очень вкусную, вы уже пробовали круассаны, а булочки еще вкуснее. Взять по паре? Одну? Хорошо, я сейчас... И еще по чашке кофе?

Вот. Так на чем я... Да, фермионы, бозоны. Вообще-то, это квантовая физика, а Хэмлин занимался космологией, далекими галактиками, Вселенной. Казалось бы, что ему бозоны? Как говорил Остап Бендер, «к Госстраху, который я на данный момент представляю, это никакого отношения не имеет». Бендер – это... Как вам сказать... Для русской литературы он примерно, как граф Калиостро для... Нет, Калиостро – немного не то, извините. Или... Не знаю, сразу и не вспомню. По-моему, нигде, кроме русской литературы, нет такого персонажа, как Бендер. Seriously. Это... как вам сказать. Авантюрист. Жулик. Умный. Веселый. Остролов. Феликс Круль? М-м... Есть что-то... Неважно. Я совсем отвлекся, просто Бендер один из моих любимых персонажей, и мне хочется его цитировать к месту и не к месту. Перевести? Если бы я мог...

Да. Казалось бы, где фермионы с бозонами, а где галактики и Вселенная? Представьте, Сара, как я удивился, когда в статье Хэмлина прочитал такие слова: «Поскольку каждая частица описывается своей волновой функцией, то и ансамбли частиц, в том числе Вселен-

ная, тоже могут быть описаны волновыми функциями. Следовательно, Вселенная представляет собой либо фермион, либо бозон». Представляете, Сара? И дальше Хэмлин очень изящно выводит и решает уравнения, и делает заключение: «Вселенная может быть описана волновыми функциями Шредингера, как частица, подчиняющаяся статистике Ферми-Дирака».

Но это не все! Дальше Хэмлин пишет, и я представляю, что сказал об этой фразе рецензент. Цитирую по памяти, конечно: «Поскольку Вселенная – фермион, то отсюда с неизбежностью следует, что определенные классы объектов могут существовать лишь в единственном числе, поскольку возникновение множества (начиная с эн, равного двум) таких объектов (классов объектов) нарушает статистику Ферми-Дирака, которой подчиняется...» Там очень длинное предложение, я точно не помню. Вы уловили смысл? Простите, я не должен был спрашивать, я и сам сначала не уловил. Но когда вчитался... Понимаете, я тоже занимаюсь подобными вещами, но это сейчас, в начале двадцать первого века! А тогда, семьдесят лет назад...

Вы смотрите на часы, я вас совсем заговорил? И главное, ничего не объяснил толком, только еще больше запутал. Есть еще рукопись Хэмлина, даже более странная, во всяком случае, для физика. Неожиданная. Сара, я уверен, что смерть Хэмлина и его работы... Да, я понимаю, одно никак с другим не связано. Не может быть связано. В том смысле, что связь эта не видна. Но спросите себя: почему странный ученый Хэмлин так странно умер именно тогда, когда собирался опубликовать странную статью, объясняющую смысл двух своих предыдущих странных статей? И почему вы именно сейчас нашли в архиве лист с описанием давней трагедии и именно сейчас попытались понять, что все-таки произошло? Именно сейчас поехали в Лондон, а потом в Кембридж, а я именно сейчас оказался здесь, и почему моя работа так похожа... Я еще не рассказал, чем занимаюсь, но поверьте... Невероятно, чтобы мы случайно встретились здесь, в кафе! Вот именно, синхронистичность. Вы читали Юнга? Значит, мне не нужно объяснять...

Вам пора, я вижу. Вас ждут в Бакдене? Сара, извините, я, наверно, кажусь вам назойливым... Мне хотелось...

* * *

Дождь лил, как из ведра.

– Так тут и бывает в октябре, – сказала Сара, не решаясь выйти. На ней была вязаная кофточка и длинная юбка из твида, она чувствовала себя в этой одежде свободно, такой был ясный день, и она совсем забыла о том, как тут обычно бывает в октябре. – Зонт остался в машине, а машина на углу Мэдинггли-роуд.

– Подождите, Сара, – предложил Алекс, – сейчас я... Минуту, хорошо?

Он исчез, и у Сары оказалась не минута, а пять, чтобы подумать о новом знакомом. Алекс в ее схемы не укладывался. Не пытался красоваться, рассказывать смешные истории (интересно, почему мужчины, даже вполне степенные, уверены, будто, рассказав женщине смешную историю, сразу если не завоевывают ее внимание, то заставляют принять себя всерьез?). Совсем наоборот – пришел в возбуждение, услышав о Хэмлине, и в ответ долго и, в общем-то, нудно, если честно, рассказывал не интересные ей научные теории... То есть, не то чтобы совсем не интересные, но... Почему ей показалось, что у нынешнего Алкина и тогдашнего Хэмлина есть что-то общее? Может, научная одержимость? Скорее что-то иное, хотя одержимость тоже. И странная эта синхронистичность. Такое ощущение, будто некая сила подводи́ла их друг к другу. Сара могла прийти в кафе на час позже или раньше, могла не прийти вовсе, а сразу поехать домой, могла даже и в обсерваторию не заезжать, ограничиться неудачей в Ярде и забыть об этой истории. В конце концов, она должна была всего лишь оцифровать документ, а не заниматься расследованием, в котором, если честно, ничего не понимала.

– Вот, – сказал Алкин, появившись с огромным прозрачным зонтом, под которым они легко поместились вдвоем и еще осталось место для третьего. Сара сразу подумала о Тайлере, ей стало неприятно, будто он действительно протиснулся между ней и Алексом, толкаясь крепкими локтями. – Побежали, это зонт Марии, буфетчицы, я обещал вернуть.

Зачем он объясняет? Что еще за Мария? У него с ней... Господи, глупости какие приходят в голову. Ей было приятно бежать мимо странной скульптуры («памятник неизвестному телескопу», как она ее мысленно назвала) и длинного административного здания к воротам, где им помахал из-под козырька охранник, по тротуару, где уже бежал водный поток, мутный, желтый, обычный... Левый рукав успел промокнуть, а правой рукой она держала Алкина за локоть, он смотрел под ноги, но то и дело влетал в лужи и вскрикивал. Сара обратила внимание, что мокасины на нем совсем дешевые, итальянские, наверняка внутри вода, сейчас развалятся, и назад Алкину придется возвращаться босиком, а как он потом поедет к себе... на чем, кстати?

– Послушайте, – сказала Сара, когда они подбежали к ее серому «форду», одиноко мокнувшему, приткнувшись к тротуару сразу за поворотом на Мэдинггли-роуд, – давайте я вас домой подвезу. Дождь, похоже, нескоро кончится, зонт не ваш, как вы добираться будете?

– Да так...

– Решайте, – требовательно сказала она, подумав, что от быстроты ответа будет зависеть ее о нем окончательное мнение, почти уже сложившееся, осталось только нанести небольшой штрих.

– Хорошо, – сказал Алкин. – Спасибо.

– Вам, наверно, нужно забрать свои вещи? – сделала Сара попытку дать событиям обратный ход.

– Не нужно, – решительно сказал Алкин. – Полежат до завтра.

– А зонт? Эта ваша Мария...

Почему она так сказала?

– У нее есть другой, – быстро отозвался Алкин.

И открыл перед ней дверцу со стороны водителя. Порыв ветра едва не вырвал зонт из его руки. Алкин сложил упиравшийся изо всех сил зонт, забросил на заднее сиденье, мгновенно вымок до нитки и плюхнулся рядом с Сарой, обдав ее брызгами.

– Ненавижу воду в виде дождя, – сказал он. – Но обожаю дождь в виде струй за окном, особенно когда в комнате тепло и сухо, трещат дрова в камине, а ты сидишь в кресле, укрыв колени пледом, и читаешь...

– Агату Кристи, – подхватила Сара, выруливая на шоссе и почти ничего не видя из-за струй, заливавших ветровое стекло, несмотря на все усилия дворников.

– Нет! – воскликнул Алкин. – Я имел в виду Хэмлина.

Сара не хотела говорить о Хэмлине, он отвлекал от дороги и от самого Алкина, который был ей сейчас много интереснее давно погибшего ученого.

– Куда? – спросила она.

– До второго светофора, там направо по Вилберфорс, а потом налево по Кларксон.

Поехали. Что-то происходило снаружи, впереди мелькали и исчезали габаритные огни, будто машины возникали из четвертого измерения и проваливались, не задерживаясь, куда-то еще. Сара едва не пропустила светофор, зеленый глаз возник неожиданно, и она резко вывернула руль. Алкин, сложив руки на груди, командовал «вперед», «направо», «налево» и, наконец, «стоп, приехали».

– Как вы разглядели дорогу в этом водопаде? – улыбнулась Сара и представила Алкина бегущим к черной, с бронзовым львом вместо звонка, двери, смутно проявившейся в струях ливня.

– Спасибо, – невпопад ответил Алкин, думая, должно быть, о том же, о чем подумала Сара. – До свиданья. Вы позволите мне вам позвонить? Ну, эта история с Хэмлином...

– Конечно, – сказала Сара. – Позвоните. Мой номер...

Еще один пример синхронистичности, подумала она, потому что именно в этот момент ее телефон, лежавший в сумочке, уныло, как ей почему-то показалось, заиграл веселенький мотивчик из «Моей прекрасной леди». Она нашарила аппарат, надеясь, что это не... Конечно, звонил Тайлер, можно ли было сомневаться? Голос звучал так громко, что Алкин наверняка слышал не только слова, но и интонации.

– Милая, – Бакли не думал кричать, но говорил всегда очень громко, понижая голос только, если его об этом просили, – в Кембридже тоже льет? Пожалуйста, будь осторожна, неподалеку от Фенстантона авария. Ты скоро?

– Авария? – сказала Сара с неожиданным для нее самым облегчением в голосе. «Еще одна синхронистичность?» – мелькнула мысль. – Наверно, пробка на два часа. Я лучше задержусь здесь, пока дождь не кончится. Машину с шоссе к тому времени уберут, верно?

– Это я и хотел тебе посоветовать! – провозгласил Бакли. – Ты в университете? Пережди. Я тебе позвоню через час, хорошо?

– Конечно, – пробормотала Сара, искоса глядя на застывшего Алкина, прислушивавшегося к разговору.

– Целую тебя! – рывкнул Бакли и умолк, дожидаясь, должно быть, ответного поцелуя.

– Буду ждать твоего звонка, – нейтральным тоном завершила разговор Сара, выключила телефон и повернулась к Алкину, внимательно следившему за мерными движениями дворника на лобовом стекле.

– Теперь, – сказал он, – я вас просто не могу отпустить в обратный путь. Во-первых, вам приказано мистером Бакли...

– Он не может мне приказывать!

– Во-вторых, – продолжал Алкин, – вы окажетесь в пробке. В-третьих, мы не закончили говорить о Хемлине. В-четвертых, вам хорошо бы обсохнуть и выпить немного виски.

– В-пятых... – тихо проговорила Сара.

– В-пятых, – смущенно сказал Алкин, – я хотел пригласить вас к себе, а тут такой случай...

– Синхронистичный, – подсказала Сара.

– ... Что нельзя не воспользоваться, – закончил Алекс. – Побежим?

– Вообще-то, – сказала Сара, – дождь уже закончился.

И это было так. Неожиданно (синхронистичность?) струи воды перестали стекать по стеклу, улица проявилась, будто на фотографии, до самого поворота к Королевскому колледжу, и сразу все кругом зашевелилось – помчались машины, быстро пошли по тротуару прохожие, опасаясь, что сейчас опять хлынет, и нужно успеть за это время...

– Значит, не побежим, – улыбнулся Алкин, – а медленно пойдем.

– Зонт не забудьте, – чопорно сказала Сара. – Мария вам не простит.

* * *

Саре знакомы были такие комнаты, сама снимала похожую, когда училась в колледже. Три года, как один день. Такой же раскладной диван у дальней от окна стены, такой же секретер, похожий на антикварный, викторианских времен, а на самом деле современная поделка из прессованных опилок.

– Сара, – сказал Алкин, – если вы пройдете сюда, в ванную, то сможете просушить волосы феном, а туфельки снимайте, наденьте тапочки. Туфли мы поставим у электрокамина, я сейчас включу, и они подсохнут.

– Хорошо, – кивнула Сара и сделала все, что было ей предложено: скинула туфли и ощутила сухое тепло домашних тапочек; наверно, Алкин привез их из России, здесь таких нет – из шерсти, должно быть, или плотного войлока, а потом, в ванной, она долго стояла перед зеркалом, включив фен и высушивая каждый волосок – ей было почему-то хорошо здесь стоять и разглядывать выложенные на полочке предметы мужского туалета – одеколон, лезвия безопасной бритвы, помазок, все такое аккуратное, такое... как бы сказать точнее... пригнанное друг к другу, свидетельствовавшее о характере Алкина больше, чем все его разговоры.

Она ощутила запах свежесваренного кофе и, положив фен, искала расческу, но на полочке была только маленькая, мужская, и ей пришлось оставить волосы, как есть, растрепанными, только пригладила немного ладонью, а когда вышла в комнату, то первым делом достала свою расческу из сумочки, хотела вернуться в ванную и причесаться, но встретила взгляд Алкина – немой, восторженный – и положила расческу обратно.

Кофе оказался замечательным, несколько капель бренди придали напитку особый аромат и вкус. Саре показалось, что она никогда прежде не пила такого изумительного кофе, но это было, конечно, психологическое, просто ей было хорошо, а потому и вкусовые ощущения отражали скорее ее внутреннее состояние, нежели объективную реальность.

Они сидели за журнальным столиком напротив друг друга, Алкин со стороны окна, и она видела в наступившем уже вечернем полумраке только его силуэт, а он видел ее освещенной предзакатным солнцем и разглядывал с таким откровенным восхищением, что ей сначала стало смешно, потом неловко и, наконец, чувства пришли во взаимно гармоничное соответствие – стало приятно, как бывало, когда мама в детстве гладила ее по распущенным волосам и говорила что-то ласковое, а что – она не помнила. Скорее всего, мама даже не говорила вслух, а думала, и Сара ощущала ее мысли, как сейчас отчетливо чувствовала мысли Алкина, выраженные не словами, но такие ясные, как если бы он говорил на чистейшем английском с легким иностранным акцентом, может, русским, может, каким-то другим. В иностранных акцентах Сара не разбиралась, ощущала их, как раздражающее искажение языка, но акцент у Алкина (она только сейчас подумала об этом) был не раздражающим, а редкие неправильности в грамматике – очень даже милыми.

– Расскажите еще о себе, – сказала Сара, прервав мысленный монолог Алкина, и он запнулся на какой-то не услышанной ею фразе, поставил на стол чашку и произнес, пожав плечами:

– Да я что... Родители у меня замечательные. Отец всю жизнь преподавал физику в школе, а мама писала детские книги. Она мне сказки рассказывала, когда я был маленький, а потом записывала. Вообще-то она бухгалтер. Работает на фабрике «Красный октябрь», это конфеты такие... Почему вы улыбаетесь?

Сара не хотела обижать Алкина, но что-то он путал. «Красный октябрь»? Какие это конфеты, так называлась советская подводная лодка в фильме, который она смотрела дважды: первый раз с Кевином, еще в школе, они тогда сидели у него дома, фильм показывали по телевизору, ей стало скучно, ее не интересовали злые коммунисты, и потому она не очень сопротивлялась, когда он полез целоваться. Правда, поцелуи оказались не лучше фильма, и она ушла. А второй раз ей пришлось смотреть этот уже довольно старый фильм в кинотеатре, куда ее затащил Тайлер, а ведь ситуация была похожа на нынешнюю: они гуляли около крепости, полил ливень, до машины бежать было дальше, чем до кино, вот они и вбежали в зал перед самым началом сеанса. Тогда она досмотрела фильм до конца – ради Тайлера, который, оказывается, видел «Погоню за «Красным Октябрем» раз пять или шесть, но все равно получал удовольствие.

– Разве это конфеты? – сказала Сара. – Это фильм. И роман такой был у Клэнси.

Показалось ей, или Алкин тоже улыбнулся, но не так, как она – будто в ее словах было сразу две или три правды, и радовался он тому, что в одном названии они увидели каждый свое и, в то же время, одно и то же.

– Сара, – сказал Алкин, становившийся все больше похожим на тень по мере того, как солнце опускалось за крышу дома на противоположной стороне улицы, – Давайте я вам немного расскажу о своей работе, чтобы вы поняли... Лучше сказать – почувствовали... Или так: чтобы у вас в голове связалось то, что происходит в космологии сейчас, с тем, что сделал Хэмлин семьдесят лет назад. Это важно, потому что тогда, может быть, мы с вами поймем, что с ним случилось.

– Какое отношение... – начала Сара.

– Не знаю. Но как-то все это странно...

Угасавшая на фоне темневшего окна тень Алкина поднялась, Сара услышала шаги, особенно гулкие в полумраке, щелкнул выключатель, и комната осветилась неярким светом висевшей под потолком лампы в сферическом бумажном (так казалось) цветном абажуре. Странное очарование игры вечерних теней исчезло, но возникло и осталось иное очарование, будто из обычного английского интерьера Сара переместилась в призрачный японский домик – почему-то этому впечатлению не мешали ни классический английский стол, ни столь же английские по своему происхождению стулья и секретер. Абажур создал собственное пространство и внушил ощущение инакости, Сара почувствовала это очень сильно и поняла, что именно такое ощущение было ей сейчас нужно.

Алкин сел за стол напротив Сары и задумчиво почесал переносицу.

– Даже не знаю, как начать, – признался он. – Никогда не пытался сложить все аргументы в одну корзину. Знаете, Сара, я боялся. Боялся, что не поймут. То есть... Не так. Поймут, но не примут... Сара, – произнес Алкин и к чему-то прислушался. – Сара, – повторил он, и она поняла, что прислушивался он к звуку ее имени, что-то в нем неожиданно обнаружив, – вы ведь, как все, уверены, что физика – это непременно приборы, амперметры-вольтметры, большие ускорители, огромные антенны, реакторы, телескопы, и чем дальше, тем все это становится больше... Физика – это то, что можно пощупать, даже если речь идет об экспериментах с элементарными частицами. Чем меньше частицы, которые мы хотим обнаружить, тем больше и мощнее железа, которую нужно для этого построить.

– Железяка? – переспросила Сара, слово было ей не знакомо.

– Простите, – улыбнулся Алкин. – Это по-русски. Аппаратура, в общем. Грубая материя. Это впечатляет. Об этом говорят: «Наука умеет много гитик». Это тоже по-русски, да. Не знаю, как справился переводчик, когда переводил рассказ Чехова, но как-то, наверно справился. Неважно. Я хочу сказать: гигантизм в современной физике говорит о том, что мы дошли до предела. Экспериментальная наука, такая, какой мы ее знаем, кончается. Об этом много написано. Вы читали Хоргана? «Конец науки». И это так. Конец. Значит – начало...

– Пожалуй, – прервал себя Алкин, – я не с того начал. Сара, вы верите в инопланетян?

– Нет, – ответила Сара, не задумываясь и даже не удивившись вопросу. В инопланетян она не верила, никогда не видела НЛО, а если по телевизору показывали фильмы о пришельцах, поражалась тому, как примитивно для якобы сверхразумной цивилизации ведут себя инопланетяне, похищая людей, проводя над ними опыты, появляясь в неожиданных местах, ясно себя показывая и, в то же время, утверждая, что ни о каких контактах не может быть и речи...

– Отлично! – обрадовался Алкин. – Видите ли, два года назад я сделал работу... Вы знаете, что такое антропный принцип?

«Господи, – подумала Сара, – если он будет перескакивать с темы на тему, я запутаюсь окончательно». Может, он на самом деле не так умен, каким показался? Если человек не способен внятно рассказать о своей собственной работе и жизни...

– Нет, – повторила Сара, и Алкин внимательно посмотрел ей в глаза. Понял, о чем она подумала?

– Если вам кажется, – грустно произнес он, – что я перескакиваю с темы на тему, то это не так. Сейчас поймете. Так вот, антропный принцип... Почему – вот вопрос – наша Вселенная такая, какая есть? Именно с такими мировыми постоянными, именно с такими атомами, с такими законами природы? Могла бы постоянная Планка оказаться иной, верно? Почему же – такая? Да потому, что иначе нас не было бы. Жизнь на Земле не могла бы возникнуть. Во вселенной с другими законами жизнь, подобная нашей, была бы невозможна.

– Я знаю! – воскликнула Сара. – Видела или читала, не помню. Жизнь – такая редкая штука, что случайно появиться никак не могла. Значит, жизнь создал Бог, верно? Согласитесь, Алекс, что-то в этом есть.

– Ничего в этом нет! – Алкин взмахнул руками, будто птица, и, похоже, застеснявшись своего порыва, сложил руки на груди. – Но почему-то наша Вселенная действительно оказалась такой, какая есть. И если Вселенная единственная, то действительно очень трудно принять, что такой, как нам нужно, она оказалась совершенно случайно. Вы знаете, сколько и каких разных условий должно было сложиться, чтобы на Земле возник человек? Это была моя дипломная работа – подсчитать число условий. Сто двадцать восемь, и наверняка я не смог учесть все. Если бы постоянная Планка оказалась на пару процентов меньше, нас не было бы. Если бы гравитационная постоянная оказалась на пару процентов больше или меньше, нас бы не было. Если бы пространство имело не три, а любое другое число измерений, нас бы не было. Если бы масса электрона была иной, нас не было бы. Если бы Солнце в Галактике располагалось чуть ближе к центру или чуть дальше, нас бы не было. Если бы... Ну, что я буду перечислять, Сара! Сто двадцать восемь условий, и все важнейшие, включая, к примеру, нашу Луну – если бы не было Луны, то не было бы и нас, а ведь образование Луны, как сейчас считается, процесс совершенно случайный! Столкновение Земли с астероидом нужной массы могло произойти, а могло и нет...

– Есть несколько формулировок антропного принципа, – продолжал Алкин после небольшой паузы. – Самую первую предложил советский философ Идлис. Знаете, когда это было? Полвека назад. Сейчас этот принцип называют слабым: Вселенная такова, потому что, будь она другой, наблюдать ее было бы некому. Есть еще сильный антропный принцип: Вселенная такова, чтобы в ней мог появиться человеческий разум. С момента Большого взрыва все – без исключения! – процессы во Вселенной протекали таким образом, чтобы на Земле могло возникнуть человечество. Даже динозавров убил метеорит, потому что, останься на Земле динозавры, человек не стал бы царем природы. И ледниковый период закончился вовремя: продлился он еще пару тысячелетий, и человек, не умеющий защитить себя от холода, вымер бы, как многие другие животные. Те же мамонты, например. А я предложил абсолютный антропный принцип. Тринадцать миллиардов лет Вселенная поддерживала условия нашего выживания. Она и сейчас эти условия поддерживает, расширяясь именно с такой скоростью и таким ускорением, какие нужны, чтобы на Земле сохранялись комфортные для нашей жизни условия. Вселенная такова, да. Она, если говорить по-русски, «заточена» под нас. Не смогу перевести это слово, ну да неважно, вы поняли, верно?

Но если верен абсолютный антропный принцип, получаются два вывода. Первый: во Вселенной существует только один разум – наш. И второй: если Вселенная всегда была именно такой, какая нужна для нашего выживания, то, значит, и в будущем она, Вселенная, будет ограждать человечество от всего, что может нас погубить. Без нас, людей, Вселенная существовать не может. Это абсолютный антропный принцип...

– И значит, – подхватила Сара, – без Бога не обойтись, вы это хотите сказать? Бог следит за своими детьми и убирает камни с их дороги.

– При чем здесь Бог? – не на шутку рассердился Алкин. – Ох, простите, Сара... Я не богослов, я даже не философ, я физик. Я математику использовал, а не Библию. Как объяснить в двух словах, чтобы было понятно... Вселенную можно описать волновой функцией – это и без меня известно, об этом писал Хэмлин семьдесят лет назад. Вселенная подчиняется квантовым законам – это, по сути, одна огромная квантовая система, понимаете? А квантовые системы – помните? – бывают двух типов: фермионы и бозоны. Так вот, наша Вселенная – фермион. Мне это не пришло в голову, когда я занимался антропным принципом. Я шел от космологии, а Хэмлин – от квантовой физики. Он сказал, что Вселенная – фермион, и, по сути, одним этим словом описал всю мою работу, все мои выводы. Вот почему меня так поразила его статья! Вселенная – фермион. И что же? В ней не могут существовать системы, которые находятся в одном квантовом состоянии. Звезды светят за счет синтеза атомов и не иначе. Планеты образуются из газо-пылевых облаков и не иначе. И так далее. Одна истина, одна правда. И разум возможен только один. Существование иного разума в нашей Вселенной запрещено квантовыми законами. Вот что на самом деле доказал Хэмлин. Разум на Земле – именно и только на Земле! – должен был возникнуть, возник и будет теперь существовать, пока существует Вселенная. Точка. Даже если случится атомная война, человечество выживет и выйдет в большой космос. Даже если упадет гигантский астероид (а он не упадет, будьте уверены, это противоречило бы абсолютному антропному принципу – такому же закону природы, как закон тяготения!), все равно мы выживем и выйдем в космос. Понимаете?

– Да, – зачарованно произнесла Сара, не очень, на самом деле, представляя, что с ней происходит. Это не был простой интерес к человеку и к тому, что он говорил. Вообще-то ей и не было особенно интересно то, что излагал Алкин, а в квантовых законах она точно ничего не понимала. Может, ей передался его энтузиазм? Внутренняя энергия? Может, в его словах о том, что человечество будет жить вечно, таился безумный внутренний заряд оптимизма? Наверняка было что-то, заставившее Сару испытывать подъем, радость и еще целую гамму чувств, которые она не могла, да и не хотела определить, ей не было надобности в определении, потому что в глубине души Сара знала, что происходит, сопротивлялась этому и, в то же время, не хотела сопротивляться и только повторила: – Да, кажется, понимаю.

Вряд ли это было правдой.

– Значит, есть и вселенные... ну... бозоны?

Это она сказала? Сара сама удивилась – вроде бы да, она задала вопрос, но получилось это само собой, она и не думала...

– О! – воскликнул Алкин. – Именно! Вы умница, Сара, я вас люблю!

Слово было сказано, но не замечено, оно вырвалось из клетки подсознательного, не понятное, не оцененное, и Сара тоже услышала, не услышав – не пожелав услышать, как ускользает от понимания невпопад произнесенная фраза.

– Конечно, – продолжал Алкин. – Есть другие вселенные, не только наша. Собственно, из антропного принципа это следует однозначно. Есть множество, может, даже бесконечное число вселенных с другими законами природы, и наша такова не потому, что Бог приложил усилия, чтобы создать ее именно такой. Нет, просто в Большом взрыве возникло множество разных миров, и мы живем в этом, потому что условия здесь подошлись такие, какие нужно. Вы правы, Сара: есть среди множества вселенных, возникших в Большом взрыве, миры-фермионы и миры-бозоны. Фермионы – вселенные, где всякий класс явлений возникает в единственном варианте: один принцип звездной эволюции, один принцип образования планет, один-единственный разум на всю вселенную. А есть миры-бозоны, где могут сосуществовать и взаимодействовать разные законы природы, разные принципы устройства жизни, и разумов там множество, потому что их возникновению не мешают квантовые законы. Это удивительные миры, Сара! Немыслимое разнообразие форм, не то, что в нашей Вселенной!

– Я устала, – сказала Сара. Получилось не очень прилично, но Сара почему-то знала, что поступила правильно, и Алкин ее поймет, вот уже и понял, лицо его, сосредоточенное на том, чтобы правильно выразить мысль на все-таки не родном для него языке, прояснилось, Саре даже показалось, что разгладились складки в углах губ.

– О! – Алкин поднялся. – Как я мог... Простите, я всегда, когда увлекаюсь... А вы так внимательно и хорошо слушали, что я мог говорить до утра. Наверно, вам пора? Я вас задерживаю?

Тайлер не звонил, – подумала Сара. Неужели прошло слишком мало времени, хотя ей показалось, что уже глубокий вечер? Она посмотрела на часы, стоявшие на журнальном столике, простенький будильник за полшиллинга. Без четверти пять. Действительно, еще и часа не прошло, как они вошли, время будто растянулось. Теория относительности? Наверно. Слишком сильное здесь взаимное притяжение, вот время и замедлилось.

– Все это очень интересно, – неуверенно произнесла Сара, подумав, что, кроме физики, здесь было сказано еще что-то, важное для обоих. Что? Не вспоминалось. – Но какое отношение это имеет к бедняге Хэмлину? Мы ведь о нем говорили...

– Я хотел объяснить, – смущенно произнес Алкин. – Но если вы устали... Может, в другой раз?

На этот вопрос мог быть только один ответ: «Конечно, в другой раз как-нибудь», но Сара сказала:

– Нет. Я хочу знать, по пока ничего не понимаю!

– Хорошо, тогда я... – начал Алкин, и в этот момент в сумочке Сары зазвонил, наконец, телефон. Наконец? В иное время она так бы и подумала, но сейчас возникло раздражение, которого Сара не сумела скрыть, и Бакли (конечно, это был он) сразу почувствовал ее изменившееся настроение.

– Что-нибудь не в порядке? – его беспокойный голос был слышен Алкину, хотя он и не мог разобрать каждое слово.

– Все нормально, – Сара сосредоточилась, и голос зазвучал, как обычно, с интонациями, к которым Тайлер привык за время их знакомства. – Я ждала твоего звонка.

– Можешь ехать, – сообщил Бакли. – Пробки нет, да и погода замечательная после дождя. Только не торопись, дорога мокрая.

– Сейчас выезжаю.

– Поужинаем вместе, – это был не вопрос, а утверждение, и Алкин поджал губы – он и сам мог пригласить Сару в кафе, но не догадался вовремя. – Подъезжай к участку, я выйду.

– Хорошо, – согласилась Сара без энтузиазма, что было отмечено Алкиным.

– Мне действительно пора, – сказала Сара, бросив телефон в сумочку. – Но я не поняла вашей логики, Алекс, хотя и узнала много для себя нового. Какое это имеет отношение...

– Вы третий раз об этом спрашиваете, – улыбнулся Алкин. – Если бы мы могли встретиться еще... Вы бываете в Кембридже?

– Я могу предложить вариант лучше – почему бы вам не приехать в Бакден?

– Мне? – растерялся Алкин.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнула Сара. – Увидите дом, где жил Хэмлин, – он сохранился и выглядит почти так же, как семьдесят лет назад. Я покажу вам тот документ, если вам интересно. И еще – поговорите с Тайлером, он очень умен, уверяю вас, интересуется научными новинками, хотя, конечно, интерес его порой чисто профессиональный. Наверняка ваши идеи его заинтересуют! Хорошая мысль, верно?

– Хорошая, – с сомнением протянул Алкин.

Замечательная идея – встретиться с Сарой, погулять с ней по городку, посмотреть на место, где произошла трагедия. Но у Алкина не было никакого желания говорить о чем бы то ни было с главным констеблем Бакли.

– Приезжайте завтра к полудню, – решила за Алкина Сара. – Выезжайте одиннадцатичасовым автобусом. Мы с Тайлером встретим вас на конечной остановке, это напротив нашей достопримечательности – Большой крепости, заодно можно ее осмотреть, вам должно быть интересно.

Почему она думает, что ему *должно* быть интересно осматривать крепостную стену, каких в доброй старой Англии сотни, если не тысячи?

– Хорошо, – сказал он. – Я приеду.

И так было бы хорошо, если бы меня встретили только вы, Сара, с вами я готов и крепость осматривать...

Должно быть, эта мысль так явственно отразилась на его лице, что Сара, уже протянувшая руку для пожатия, отступила на шаг и пробормотала:

– Значит, договорились.

Так и не подав руки, она пошла к выходу. Алкин забежал вперед, предупредительно открыл перед Сарой дверь, и как-то получилось, что ладони их все равно соприкоснулись. На какое-то время мир застыл, как застывает для внешнего наблюдателя луч света, достигший сферы Шварцшильда – поверхности, где нет времени, и если что-то происходит, то длится вечность.

Алкину так и показалось – целую вечность они простояли с Сарой, держась за руки, будто Фальстаф с Фордом, застрявшие в дверном проеме. Мгновение спустя после вечности (с ощущением времени у Алкина возникли проблемы) они оказались на тротуаре, Сара села за руль, а он стоял у открытой дверцы и что-то говорил, но из-за того, что время то сжималось, то растягивалось, сам не мог понять своих слов.

– В полдень, – напомнила Сара и умчалась. Алкин постоял, глядя вслед, но у всех машин были одинаковые габаритные огни, и он сразу потерял Сару, ее огоньки, ее глаза, ее мысли... «Глупо, – подумал он, – наговорил с три короба, все только запутал, могу себе представить, как она станет рассказывать своему Тайлеру о встрече со странным русским физиком. Да ну, Сара, скажет главный констебль, он тебе мозги пудрил, а ты уши развесила, очнись, девочка»...

А номер своего телефона Сара так и не продиктовала. Можно, конечно, узнать... Нет, не станет он узнавать. Завтра в три семинар – Пенроуз докладывает о бранах и М-теории, Хокинг наверняка будет тоже. Можно представить, какая разгорится дискуссия, надо обязательно там быть, но, если он в двенадцать только приедет в Бакден, то вернуться к трем не успеет точно. Ехать ради сомнительного удовольствия познакомиться с главным констеблем...

Так и не придя к окончательному решению, Алкин достал из холодильника пакет с замороженной рыбой. Он положил покрытую изморозью рыбину на сковороду, провел сверху рукой, будто погладил, и рыба зашипела, потекла вода, сковородка нагрелась очень быстро, слишком быстро, пожалуй, корочка, которую он любил, не успеет образоваться, и Алкин поднял ладонь выше. Надо бы включить плиту, чтобы и снизу шел подогрев, но ему не хотелось делать лишних движений, он так устал сегодня... Перевернул рыбу деревянной ложкой и погладил другую ее сторону. Почти готово, можно заняться салатом.

Завтра он увидит Сару, и пусть все будет, как будет.

* * *

Автобус свернул с шоссе, и слева надвинулась красная кирпичная крепостная стена, закончившаяся высоким донжоном и воротами, у которых стояла толпа туристов. Чуть поодаль Алкин увидел Сару – она была в темном платье с длинным рукавом, сапожках и наброшенной поверх платья шерстяной кофточке. Главного констебля Алкин не разглядел, Сара определено была одна, и он помахал ей из окна, она ответила и пошла навстречу.

– Прохладно сегодня, – сказала Сара вместо приветствия. Алкин кивнул – говорить ему не хотелось. Хорошо бы просто побродить для начала, заново привыкнуть друг к другу.

– Тайлер ждет нас в участке, – продолжила Сара, и хорошее настроение, не покидавшее Алкина все утро, мгновенно улетучилось. – Он дежурит до часа, потом мы сможем спокойно поговорить. Тайлер хочет послушать ваши рассуждения, ему очень интересно.

– Я понимаю, – пробормотал Алкин.

– Мне тоже очень интересно, – ощутив напряжение в словах Алекса, мягко произнесла Сара, – но я мало что... то есть, конечно...

Она замолчала, взяла Алкина под руку и повела по гравиевой дорожке к неширокой улице, застроенной одинаковыми одноэтажными домиками с покатыми черепичными крышами. Завернули за угол, прошли мимо баскетбольной площадки, где подростки, бросавшие мяч в корзину, вопили, будто стоя чаек, у которых отнимают добычу, и вышли на круглую площадь, где на двухэтажном сером здании времен, скорее всего, короля Эдуарда, Алкин издали разглядел надпись: «полиция».

Все это время Сара что-то говорила. Рассказывала, наверно, о достопримечательностях. Алкин слышал только голос, только интонации, только тембр, и когда она задала какой-то вопрос, не сразу пришел в себя, пришлось переспросить.

– Вы какой ленч предпочитаете: что-нибудь серьезное, из трех блюд, или полегче – сэндвичи, кофе?

– Полегче, – сказал Алкин и опять замолчал. Теперь молчала и Сара, понимая, какие ощущения испытывает ее спутник. Так они и вошли в здание, им кивнул сидевший за деревянной перегородкой дежурный констебль, они прошли по короткому коридору, и Сара, не постучав, открыла дверь, пропуская гостя.

– Рад вас видеть! – воскликнул главный констебль Бакли, выходя из-за стола и протягивая Алкину обе руки. Алкин ожидал увидеть высокого крупного мужчину с большими волосатыми руками и густой светлой шевелюрой уроженца Шотландии – типичного английского полисмена, какими их изображают на открытках и каких действительно много на улицах в Кембридже. Да и громкий голос, который Алкин уже слышал вчера, соответствовал именно такому образу. Однако, на удивление, Тайлер Бакли оказался, во-первых, среднего роста, не выше самого Алкина, во-вторых, был лысоват, сложения плотного, конечно, но далеко не богатырского, а ладони так и вовсе могли принадлежать скорее музыканту, чем полицейскому. Пожатие оказалось крепким, но не грубым, а голос... ну что голос... В Москве у Алкина был знакомый – из литераторов, он писал бытовую прозу и пользовался определенным успехом в неопределенных кругах читателей, – голос которого способен был перекрыть рев пожарной сирены. Громкий голос – не свидетельство душевной грубости.

Алкин понимал, что должен испытывать по отношению к Бакли неприязнь, и, пожалуй, действительно испытывал, но именно потому, что должен был, и вместе с этим естественным чувством ощущал еще и неуместное чувство вины, будто он перед Бакли в чем-то провинился, хотя ни сном, ни духом...

Главный констебль вернулся за свой стол, на котором стоял дисплей компьютера и лежали вперемежку папки – черные, зеленые и коричневые, – листы бумаги и несколько книг, названия которых Алкин не сумел разглядеть. Гостя усадили в кожаное кресло, явно предназначенное для посетителей, а не для задержанных, а Сара устроилась на коротком, тоже кожаном, диванчике напротив окна, так что Алкин со своего места видел нависшего над столом Бакли и слышал голос сидевшей за спиной Сары. Ему так не нравилось, он хотел повернуть кресло, но тогда оказался бы спиной к хозяину кабинета, что было бы верхом неприличия.

– Вы хотели посмотреть документ? – сказал Бакли и протянул лист бумаги в пластиковом пакете. – Это ксерокопия, можете взять с собой.

Лист был исписан с обеих сторон не очень ясным почерком, разобрать отдельные слова было трудно, Алкин не стал и пытаться, стараясь понять общий тон документа и недоумевая по поводу того, почему главный констебль Диккенс (именно он, скорее всего, писал эту бумагу) не воспользовался пишущей машинкой, наверняка была у него такая в участке.

Текст документа повторял то, о чем вчера рассказала Сара, разве что написано было канцелярским стилем, без эмоций, и невозможно было понять, как отнесся лично Диккенс к тому, чему стал свидетелем. Но документ содержал еще кое-что, о чем Сара не говорила – адреса потерпевших. Был там, естественно, адрес и самого ученого. Подняв взгляд на внимательно следившего за ним Бакли, Алкин спросил, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучало лишнее в данных обстоятельствах волнение, которое он почему-то уже испытывал, еще не получив ответа на заданный самому себе мысленный вопрос:

– Прошу прощения, нет ли у вас карты Бакдена?

И добавил для ясности:

– Наверно, названия улиц не менялись за прошедшие семьдесят лет?

Бакли молча вытащил из-под папок сложенную вчетверо карту и протянул Алкину. Карта оказалась новой, выпуска 2005 года, с обозначением сооружений, которых в 1936 году не было в помине. На обороте Алкин нашел, как ожидал, алфавитный список улиц с обозначением квадрата их расположения на карте. Взял со стола, не спросив, чистый лист бумаги и ручку, переписал названия и координаты, ощущая макушкой пристальный взгляд главного констебля, а спиной – взгляд Сары. Отметил на карте нужные места, написал рядом с каждой точкой даты, внимательно изучил плоды собственного творчества и положил карту на стол. Бакли вытянул шею, Сара подошла и встала сбоку, наклонившись, чтобы лучше видеть.

– Обратите внимание, – сказал Алкин. – Кэп Коффер был первым пострадавшим, его дом находится ближе других к дому Хэмлина. Дальше всех расположен дом, где жил Коллинз, последний из пострадавших.

– Точно! – воскликнула Сара. – Тайлер, почему мы с тобой не обратили на это внимание?

Алкина кольнуло это обращение, он не хотел видеть, каким взглядом Сара смотрела на своего жениха (жениха, да, тут и слепой бы заметил).

– Ну... – протянул Бакли. – Похоже, что так. И что? Может, и Диккенс обратил на это внимание, но не написал в отчете, потому что... Да потому, что это ничего не объясняет! Коффер жил ближе всех – от этого понятнее, как он оказался заколот, если дом был заперт со всех сторон? Дальше всех жил Коллинз, и что?

– Это странно, вам не кажется? – пробормотал Алкин, обращаясь скорее к Саре, чем к Бакли.

– Да, – сказала Сара, – кажется.

– Нет, – буркнул главный констебль, – не кажется.

– Алекс, – Сара обернулась к Алкину, – расскажите Тайлеру то, что вы вчера не успели рассказать мне.

– Дорогая, – сказал Бакли, и Алкина кольнуло ощущение неприязни к этому уверенному в себе человеку, – из твоего пересказа я ничего не понял. Не думаю, что пойму что-то из рассказа господина Алкина. Но готов выслушать. Только не здесь, хорошо? Я проголодался, и наш гость, наверняка, тоже. Двинемся?

Двинулись. Карту, сложив ее и сунув в сумку, Алкин захватил с собой. Впереди шел Бакли, уверенно подхватив Сару под руку. Он не торопился, старался идти так, чтобы Саре не пришлось ускорять шаг, он и на гостя оглядывался: не отставай, мол. Алкин плелся сзади и злился, понимая, что все напрасно, никого он ни в чем не убедит, никому ничего не докажет, для Бакли эта старая история – лишь способ сделать приятное Саре. Если ей интересно, то и он сделает вид...

«Башня» была то ли рестораном, то ли кафе-баром, по местным меркам и не поймешь. В Кембридже или, тем более, в Лондоне это заведение сошло бы за небольшую забегаловку, где было всего пять столиков, сгрудившихся у высокой барной стойки, за которой стояла, а точнее сказать, возвышалась улыбчивая миссис Робертсон. Бакли уверенно направился к столику у окна, отодвинув стул для Сары и жестом пригласив Алкина сесть так, чтобы на него падал свет с улицы.

– Как обычно? – спросила миссис Робертсон. – Гостю тоже?

– Тоже, – коротко отозвался Бакли, усаживаясь между Сарой и Алкиным. Он хорошо видел обоих, а сам представлялся Алкину тенью на фоне светлого квадрата окна.

Не прошло и минуты, как на столе оказались тарелки с вкусно пахнувшим супом (овощи, определил Алкин, не люблю, но надо, неудобно отказаться), тарелочки с овощными салатами и на специальном блюде – что-то вроде котлеток, тоже, как показалось Алкину, овощных. Похоже, заведение миссис Ричардсон было вегетарианским, и Алкин бросил удивленный взгляд на темную фигуру главного констебля – как-то не вязалось в его представлении: Бакли и вегетарианская пища. Или он специально привел сюда гостя, чтобы тот понял свое никчемное положение? Вроде нет, хозяйка относилась к Бакли, как к завсегдатаю, и Саре улыбалась, как старой знакомой. Может, вегетарианское здесь готовили только днем, а вечером кормили посетителей более калорийной пищей?

Суп, однако, оказался вкусным, котлетки действительно овощными, но таявшими во рту, а салат Алкин съел так быстро, что следившая за ними хозяйка немедленно принесла добавку. Ели молча, Алкин то и дело поднимал глаза на Сару, время от времени их взгляды встречались, и тогда случались короткие, но вполне, как казалось Алкину, ясные диалоги – ясные им двоим, и, как он надеялся, непонятные главному констеблю.

«Мне неловко здесь...»

«Все хорошо, Алекс...»

«Этот твой Тайлер... Он ничего не хочет понять».

«Он не мой, уверяю тебя. А разве ты был уверен, что тебя поймут?..»

«Нет. Я рад хотя бы тому, что сижу здесь. Но третий лишний...»

«Считаешь, что лишний – ты?»

– Нет, – сказал Алкин, отодвигая тарелку, и Бакли, тоже покончивший с едой, удивленно переспросил:

– Нет? В смысле – не понравилось? Мамаша Ричардсон прекрасно готовит! Здесь замечательная телятина – правда, только по вечерам.

– Я не о том, – смутился Алкин. – Свои мысли...

– Ага, – понимающе кивнул Бакли.

Грязная посуда уже была со стола убрана, и перед ними оказались три чашки с крепким кофе, молочник и вазочка с сахаром в бумажных пакетиках. Бакли и Сара налили себе молока в кофе, Алкин предпочел черный с двумя пачечками сахара. Бакли хмыкнул, Сара улыбнулась – так, мол, здесь не пьют, но если в вашей России принято...

– Давайте, – сказал Бакли. – Теперь я готов выслушать какую угодно теорию. Надеюсь только, что она не будет противоречить фактам.

Алкин отпил кофе, обжег десну, отставил чашку и сказал:

– Хемлин был слишком хорошим ученым, вот в чем все дело.

* * *

Постараюсь короче, – сказал Алкин. – Хэмлин писал в первой статье (я рассказывал Саре), что наша Вселенная, – мир-фермион. Сначала это была догадка, а потом он вывел уравнения. Знаете, что говорил Фейнман о том, как делаются открытия? «Прежде всего, – это его

слова, — о новом законе догадываются». Вдруг приходит в голову, да. Интуиция. Потом начинаешь доказывать, что догадка правильная, и если она действительно правильная, то математика и эксперимент это подтверждают. Разум только один, писал Хэмлин. Поиски иных цивилизаций бессмысленны в принципе. Законы квантовой физики, действующие не только в микромире, но и в масштабах Вселенной, это запрещают. Точка.

Кстати, был еще один замечательный ученый, догадавшийся, что мир устроен именно так — советский астрофизик Шкловский. Последние годы жизни — двадцать лет назад — он писал об этом. Без математики, у него была иная аргументация, ее я использовал в своих работах по абсолютному антропному принципу.

Мы одиноки во Вселенной.

Ну и что? — спросите вы, а если не спросите, я задам этот вопрос сам и сам на него отвечу, но сначала расскажу о второй статье Хэмлина. В первой Хэмлин определил, что нет и не может быть во Вселенной иного разума, кроме нашего. Во второй статье Хэмлин рассчитал эволюционный путь разума во вселенной-фермионе.

Сара, помните, я говорил вчера о работе Цвикки, которую искал в архиве? Тогда я и открыл для себя Хэмлина, помните, да?

Так вот, Цвикки в тридцать четвертом году обнаружил невидимую массу, но на его статью не обратили внимания, и темную материю во Вселенной открыли заново полвека спустя! Цвикки наблюдал галактики в далеком скоплении, измерял скорости их движения. Не с такой точностью, как сейчас, конечно. Но все-таки у него получилось, что в скоплении есть невидимое вещество, притягивающее галактики. Цвикки назвал его скрытой массой. Хэмлин прочитал статью Цвикки, не только понял важнейший ее смысл, но и сделал следующий шаг. Хэмлин был космологом. Кроме работы Цвикки, он был знаком с исследованиями Хаббла и Шепли — знал, что галактики разбегаются, Вселенная расширяется, Леметр уже опубликовал свою работу о взрыве первоатома, а Эйнштейн ввел в свои уравнения «космологическую постоянную», от которой, правда, впоследствии отказался.

Хэмлин учел и данные Цвикки, и результаты Хаббла, и от космологической постоянной не отказался тоже. Что такое эта постоянная? Математически — число, величина в уравнении. Но физически — огромная энергия, способная заставить Вселенную расширяться бесконечно долго, да еще и с ускорением. Он был гением, Хэмлин, это я вам точно говорю. Тогда, в тридцать шестом, он писал, что во Вселенной есть не только скрытая масса, как определил Цвикки, но и скрытая энергия, чего не понял даже Эйнштейн! И это принципиально важно — соединить идею мира-фермиона с идеей бесконечного ускоренного расширения Вселенной, заполненной неощутимой темной энергией. Смотрите, что получилось у Хэмлина. Об этом он писал во второй статье.

Множество редчайших случайностей способствовали тому, чтобы на Земле возникла человеческая цивилизация. На самом деле это не случайности, а результат действия неизбежных законов развития разума во Вселенной-фермионе. И что же, сейчас эти законы природы перестали действовать? Цивилизация гибнет, в любой газете об этом написано. Глобальное потепление, экономические кризисы, мировые войны, всеобщее озверение, падение нравов. Но удивительные «случайности» продолжают и будут продолжаться. Человечество в принципе не может погибнуть, но постепенно (конечно, через множество кризисов развития) проходит все стадии — от примитивной до овладения энергией Вселенной. Таков общий путь развития цивилизации в мире-фермионе. Закон природы. Хэмлин его открыл, пользуясь квантовой физикой, а я пришел к той же идее с другой стороны, с помощью абсолютного антропного принципа.

Сначала человечество овладеет энергией в масштабах планеты. Потом сумеет распоряжаться энергией звезды — Солнца. Это называется цивилизацией второго типа. Классификацию придумал в шестидесятых годах прошлого века советский астрофизик Кардашев, а впослед-

ствии его работу дополнили здесь, на Западе. Потом нам предстоит стать цивилизацией третьего типа – овладеть энергией Галактики. На это требуется не меньше ста тысяч лет. Дальше – переход к четвертому типу: овладение энергией скоплений галактик, на это уйдут сотни миллионов лет эволюции, и как будет выглядеть человек в таком далеком будущем, сейчас невозможно себе представить. Но и это не конец – цивилизация, единственная в своей вселенной, переходит к пятому, последнему, этапу: она способна пользоваться энергией всей вселенной. Вселенная к тому времени – через сотни миллиардов лет! – станет холодной и, с нашей точки зрения, унылой пустыней: звезды погаснут, галактики распадутся, даже черные дыры испарятся, и мироздание станет вместилищем для того, что мы сейчас называем темной материей и темной энергией. И в этой темной пустыне будет существовать самый мощный, самый разносторонний, самый великий разум. Атомы будут отделены друг от друга мегапарсеками. Чтобы подумать «я мыслю, следовательно, существую», придется потратить миллиарды лет нашего нынешнего времени – но это не имеет никакого значения, ведь будущий великий разум будет и время измерять в других единицах. Секунда в его восприятии – что для нас миллион лет, такими станут пропорции...

И все. Развитие должно прекратиться, потому что начнут распадаться атомы и даже элементарные частицы. Впервые разум окажется перед выбором – погибнуть со своей Вселенной или переместиться в другую вселенную, молодую и жаркую. Как? Современная физика предлагает несколько гипотетических возможностей, а тогда, через триллионы лет, возможностей окажется много больше. Вселенная не одна, это сейчас мы знаем точно. Множество вселенных, будто мыльных пузырей, возникло в результате Большого взрыва, во время инфляционного расширения, когда за миллиардные доли секунды пространство раздулось до огромных размеров. Множество вселенных существует сейчас, но мы о них знаем только теоретически. Там другие законы физики, другие мировые постоянные, другая жизнь... Вселенных неизмеримо много, и есть миры, где физические законы такие же, как у нас. Вселенные соединены друг с другом переходами, которые физики называют «кротовыми норами».

Представьте себя на месте человека разумного, живущего триллионы лет спустя в темной, угасающей Вселенной. Вы умеете пользоваться всей энергией своего умирающего мира, но не хотите погибать вместе с ним. Вы ищете другую вселенную и – сталкиваетесь с проблемой. Ваша Вселенная – фермион. Цивилизация из вселенной-фермиона не может переместиться во вселенную-бозон, квантовые законы запрещают такие переходы и взаимодействия. Значит, вы будете искать вселенную-фермион, аналогичную вашей. Но в таких вселенных разум может быть только один, и если место занято... Понимаете? Те же квантовые законы не позволят вам поместиться на уже занятое место!

Вы находите выход. Вам нужна вселенная-фермион, где разум еще не появился. Такой была наша Вселенная пять миллиардов лет назад. Солнечная система уже сформировалась, Земля – тоже, и Луна уже крутится по своей орбите, но еще не возникли в океанах первые живые молекулы. Это мир, готовый принять новый разум.

Вы переселяетесь в новую Вселенную. Но здесь другие масштабы времени. Другие масштабы пространства. Этот мир тоже заполнен темной энергией, как и ваш, но ее значительно меньше – пока меньше. И здесь вы проходите вместо не зародившегося разума, чье место вы заняли, весь его эволюционный путь, с той разницей, что человек, возникший на такой Земле – потомок не только древних трилобитов, но и мощной цивилизации, сохранившей многие свои свойства, записанные в генетическом коде. Это новая эволюционная спираль. Разум опять проходит путь развития от примитивных организмов до человека разумного, но это – не первая ветвь спирали, а уже вторая. Или третья? Сколько их было раньше? В генетической памяти разумного существа есть все, чем снабдила его эволюция за триллионы лет в другой, возможно, уже погибшей вселенной. Ну, может, не совсем все – я ведь не знаю, сколько чего теряется при переходе из погибающей вселенной в молодую. Что-то теряется наверняка. Но

одно непременно остается, потому что было основой существования того разума в той вселенной – способность пользоваться всей энергией своего мира. Той самой темной энергией, которая в нашей Вселенной расталкивает галактики.

Понимаете, что я хочу сказать? Человек – вы, Сара, и вы, мистер Бакли, и я, и премьер-министр Блэр, и президент Буш, и голодный чернокожий мальчик в Сомали – все мы и каждый из нас можем, в принципе, делать такое, о чем сами не подозреваем. Плотность темной энергии чрезвычайно мала, с обычным веществом она взаимодействует очень слабо, все так. Но для нас с вами это – привычная энергия, мы много миллиардов лет назад умели пользоваться ею по своему желанию и разумению. Это умение записано в наших генах – может, в тех участках, которые биологи называют пустыми, запасными, не работающими. Я не биолог, я физик, и на этот вопрос ответить не могу. Я даже не могу, скорее всего, его правильно поставить, чтобы профессиональные генетики меня не высмеяли. Но я знаю квантовую физику и космологию. Знаю, что наш мир – Вселенная-фермион и что существует абсолютный антропный принцип. Знаю, что природа не допустит гибели человечества – какие бы напасти случая или нашей собственной глупости не обрушились на людей, мы не погибнем, потому что нам нужно еще освоить Вселенную, а потом... потом опять переселиться, когда придет срок.

Понимаете? Я вижу, еще нет. Поймите, Сара, поймите, мистер Бакли: мы, человечество – потомки цивилизации, которая овладела энергией всей своей вселенной. В нас это есть. В нас это заложено изначально. Но для того, чтобы пользоваться, нужно знать, что это есть. Знать, что это в нас заложено. Чувствовать. Верить. Можно даже не понимать – просто чувствовать и верить.

Таких людей много, кстати – ощущающих в себе нечто... Иногда им удастся – неосознанно – пользоваться крохами с того стола... частью тех возможностей... той энергии...

Да, так я о Хэмлине. Он был гением – как, например, Сент-Дьерди, почувствовавший, что существует прямая связь между темными кругами под глазами и потемнениями на срезе яблока или картофелины. Казалось бы, что общего? Где имение, и где вода? Это русская пословица, наверняка по-английски есть аналог, но я не знаю... Еще у нас говорят: «В огороде бузина, а в Киеве дядька»... Сент-Дьерди увидел общее и сделал открытие: обнаружил витамин С. Так и Хэмлин. Кому в те годы могло прийти в голову сопоставить работу Цвикки о скрытой массе с открытием элементарных частиц-фермионов? Хэмлин ощутил эту связь. Представляю, как измывались рецензенты, если он посылал свою работу в *Nature* или в *Physical Review*. Статья вышла в *Notices of The Scientific Society* – «Записках Научного общества Кембриджского университета». Кто читает такие сборники? Там, в основном, публикуют незрелые работы студентов, чтобы люди набрались опыта... И все ушло в песок.

А ведь он понял! Он знал, на что способен. Об этом третья его статья, неопубликованная. Эту рукопись, по-моему, никто не читал вообще после того, как она оказалась в архиве библиотеки. Видимо, ее нашли среди прочих бумаг Хэмлина в обсерватории, когда он умер. Журналы выдавали из хранилища в последний раз в тридцать девятом году, а рукопись никто не затребовал ни разу, представляете?

Очень странный текст. Хэмлин пишет о науке и вере. Наука – это доказательства, опыт, логика, верно? В отличие от религии, требующей только веры. Если человек верит в Бога, то Бог для него существует, и никто не сможет доказать ему обратное.

Но разве не так и в науке? Ученый догадывается, что есть некий закон природы. Он убеждает себя, что такой закон существует. И только потом находит доказательства, проводит эксперимент – поступает рационально, как того требует научная методология. Но сначала просто верит. Убеждает себя – это так.

Третья статья Хэмлина – о вере. Не протестантской, не католической, не иудейской и даже не о магометанской. О вере в знание. Странное сочетание слов, я тоже сначала поразился. Вот что писал Хэмлин, я цитирую, конечно, по памяти и не дословно, но смысл такой: «Про-

блема религий в том, что люди верят в то, чего, возможно, не существует. Проблема науки в том, что ученый не верит в то, что существует реально. Вера не противопоставляется знанию, истинная вера следует за знанием, как тень. Вера в Бога-творца, как вера в воскресение Господне или в вознесение, или в чудо пяти хлебов, скорее всего, не соотносятся с физической реальностью. Догматы церкви способствуют воспитанию морали, но не приближают к осознанию физической реальности. Верить, истово верить нужно в то, что действительно существует в природе. Такая вера, только такая способна творить чудеса.

Эволюционный путь разума – от мистики к науке и выше – к новой мистике, мистике науки, ведущей к научной магии».

Статью Хэмлин не закончил. А может, я просто не понял ход его мыслей, и мне показалось, что он поставил точку на середине фразы. Но этот текст, мне кажется, связан с событиями того страшного октября. Почему Хэмлин написал о науке и научной магии? Почему именно тогда? Почему после того, как опубликовал работы о мирах-фермионах и о невидимой энергии мироздания?

Что я хочу сказать... Страшная штука – ревность. О мироздании думаешь, решаешь уравнения, создаешь модели, ставишь эксперимент. А если ревность... Или ненависть. Мыслей нет, только чувства, ощущения... Не смотрите на меня так, можно подумать, что никто из вас не испытывал подобного. Хэмлин был влюблен. Верно? И соперников у него оказалось достаточно. Когда был убит кэп Коффер, разве Хэмлин не попал в число подозреваемых?

Я не знаю, как он это сделал – как проник в запертый дом и вышел незамеченным. Но он знал – это написано в его статьях, – что Вселенная заполнена энергией, которой человек умеет управлять, но сам в это не верит, потому что не знает, что такое возможно. Хэмлин поверил. Ощутил и понял, что – может. Или не понял? Или понял не сразу, а когда до него дошло, покончил с собой?

Хорошо бы прочитать дело – те бумаги, что вам, Сара, не удалось получить в Скотланд-Ярде. Может, вы сможете, мистер Бакли? Нет? Не тот уровень? Что ж... Остается положиться на собственные возможности. На интуицию, на серые клеточки.

В конце концов, мы разумные существа пятого уровня. Я это знаю. Теперь и вы знаете тоже. Давайте думать вместе?

* * *

– Ну и ну! – воскликнул Бакли, когда Алкин, так и не сумев внятно и убедительно закончить свою длинную речь, поставил на стол пустую чашку. – В жизни не слышал ничего более странного! Галактики, Господи... Вселенная... как вы сказали? Фермион? Гм... Да. Пятый уровень, подумать только... И еще темная эта энергия в придачу. Не думаю, что когда-нибудь в истории криминалистики кто-то предлагал более фантастическую версию для объяснения бытовых преступлений.

– Тайлер, – начала Сара, – пожалуйста...

– Позволь мне, дорогая, – слишком грубо, по мнению Алкина, прервал девушку главный констебль. – Это моя компетенция, верно? Согласись, я выслушал внимательно, я даже ни разу не вставил ни слова, хотя понял не очень много из того, что говорил мистер Алкин.

– Тайлер!

– Послушай, дорогая! Представляешь, прихожу я в Архив Ярда и говорю полковнику Доновану: «Сэр, у вас документы об убийстве, совершенном в приступе ревности человеком пятого уровня из вселенной-фермиона... Орудие убийства? О, это очень просто: темная, понимаете, энергия. Темная, значит. Конечно. Темная энергия убивает, а светлая... Что? Светлой нет, только темная? Как же так? Неужели миром правит дьявол, темные силы торжествуют, а светлые не могут им ничего противопоставить? В Голливуде такой сценарий не пройдет, нет...

Алкин начал медленно подниматься из-за стола. Не нужно было приезжать. Он увидел документ, и что? Он увидел Сару, и чему это помогло? Он познакомился с главным констеблем и теперь знает, что это тупой, лысый, ничего не понявший козел... это...

– Эй, что с вами?

– Алекс!

Два голоса слились в один, и звук оказался таким странным, что Алкин пришел в себя. Или, как ему показалось, опять увидел мир таким, каким он был на самом деле. В какое-то мгновение он... что? Не вспоминалось, будто это мгновение или минута, или сколько продолжался приступ... будто он отсутствовал, его не было нигде, ни в пространстве этом, ни во времени.

Он стоял в проходе между столиками, напротив него поднимался, опрокинув стул, Бакли, а Сара смотрела на Алкина снизу вверх, и глаза у нее были огромные, как озера, голубые-голубые, и было в них, кроме удивления и страха, что-то еще, что он так хотел увидеть вчера и чего не понимал сегодня.

– Простите, – пробормотал Алкин, обратив внимание, что и его стул опрокинут, а сумка валяется на полу у окна, метрах в двух от стола. Он бросил сумку, вставая? Хотел попасть в Бакли?

Алкин поднял стул, подобрал сумку, сел и только после этого посмотрел в глаза главному констеблю. Бакли спокойно сидел на своем стуле, и рука его, лежавшая на столе, сжимала ладонь Сары.

– Реакция у вас великолепная, должен признать, – произнес он с уважением. – Служили в спецназе?

– Где? – не понял Алкин.

– В армии, я спрашиваю, в спецназе служили?

– Я вообще не служил, – буркнул Алкин. Врачи нашли у него десяток болезней, каждая из которых сама по себе не давала права на отсрочку, но вместе они превысили некий предел, и женщина-председатель медицинской комиссии сказала ему: «Господи, ну и молодежь пошла – на вид вполне себе, а все гнилое...»

– Не служили, а? – хмыкнул Бакли. Не поверил, это было видно по выражению лица.

– А что... – начал Алкин и поймал взгляд Сары – испуганный и какой-то еще... или только испуганный?

– Вы сидели, Алекс, – объяснила Сара, выпростав свою ладонь из-под руки Бакли, – и вдруг оказались вон там, между столами, стул упал и... То есть, стул упал уже после того, как вы оказались...

– В спецназе, – сухо сказал Бакли, – таким вещам обучают. Восточные боевые искусства. Айкидо? Кунг фу?

Алкин промолчал.

Неожиданное происшествие что-то изменило в отношении к нему главного констебля. Наверно, и в отношении к нему Сары тоже что-то изменилось, но Алкин не мог сосредоточиться и понять...

– Хорошо, – сказал Бакли, попытавшись еще раз завладеть рукой Сары, но не сумев этого сделать: девушка прижала ладони к вискам, будто у нее началась мигрень. – Ваши объяснения – чепуха. Наука забралась так глубоко в недра материи, что утеряла всякую связь с реальностью. Никто уже физику не понимает. Что это такое: фермионы, браны, бозоны, глюоны, феромоны... что еще? И чем глубже вы влезаете, тем больше в ваших теориях мистики, это верно. Уже и до веры добрались. Вера в закон природы, а?... Но если вас интересует это дело... Вчера, пока Сара ездила в Кембридж, я тоже кое-что выяснил. Насчет мотива вы не ошиблись. Ревность, да. Дженнифер Поллард. В то время ей было девятнадцать, уроженка Бакдена, кстати, в отличие от всех нас. Я хочу сказать: ее тут знали с детства, а Хэмлин был чужаком,

так что шансы у него изначально были ничтожны. Я расспросил кое-кого из местных, и вот что скажу: она вышла замуж за некоего Финчли. Молодой парень, тоже уроженец Бакдена, служил клерком в банке Барклаус, у них было тогда отделение в Грэфхеме, а сейчас и в Бакдене открыли офис. Вышла замуж, и они с мужем отсюда уехали. Незадолго до войны, а точно никто, конечно, не помнит.

– Если они регистрировались здесь, – оживилась Сара, – то у нас в мэрии может быть запись. Я найду, это мой архив!

– Я о том и говорю, – кивнул главный констебль. – Вряд ли эта информация поможет, семьдесят лет прошло, миссис Финчли, если она еще жива, древняя маразматическая старуха.

– Она могла что-то рассказать детям, – Сара поднялась. – Я, пожалуй, прямо сейчас этим займусь.

– И мне пора на работу, – Бакли тоже поднялся, демонстративно не обращая внимания на Алкина. Положил на стол купюру, придавив ее блюдцем.

– Алекс, – Сара обернулась к Алкину. – Пойдете со мной или подождете здесь? Надеюсь, это не займет много времени.

– Я с вами, – поспешно отозвался Алкин к полному неудовольствию Бакли.

– Что бы ни произошло в тридцать шестом, – сказал главный констебль, выйдя на улицу и по-прежнему обращаясь не к Алкину, а к Саре, – это не имеет никакого отношения к мистике.

– Мистике? – поразился Алкин. – Послушайте...

Но Бакли уже быстро шел к перекрестку, не оглядываясь и не желая больше слышать о всяких глупостях.

– Пойдемте, Алекс, – сказала Сара. – Уверяю вас, Тайлер вовсе не таков, каким иногда кажется.

– Надеюсь, – пробормотал Алкин.

* * *

Документа о регистрации брака Дженнифер Поллард и некоего Финчли в архиве мэрии не оказалось. Чтобы выяснить это, понадобилось немного времени – нужный том регистрационной книги нашли за несколько минут. Алкин стоял за спиной Сары и не столько смотрел на пожелтевшие страницы, сколько предавался странным мечтам о том, как они с Сарой могли бы сейчас отправиться в Грэфхем, где один из лучших в графстве водных клубов (афишка с яркой картиной висела у Сары над рабочим столом), от Бакдена всего-то две с половиной мили, там можно взять напрокат лодку с мотором, выйти на середину красивейшего в Англии озера и... что потом, Алкин представлял плохо, но это была возможность побыть с Сарой наедине, вроде у всех на виду, у Бакли не могло возникнуть поводов для ревности. И, в то же время, совсем вдвоем...

– Ничего нет. Надо бы посмотреть церковные записи, – Сара обернулась к Алкину и смешалась, разглядев, должно быть, в его взгляде нечто, не предназначенное для посторонних.

– У нас одна церковь, методистская, на Крэш-стрит, – продолжала Сара, положив на место книгу. – Это минут пять пешком. Хотите пойти?

Алкин согласился бы пойти до самого Кембриджа и дальше тоже.

– Конечно, – сказал он.

Церковь оказалась в точности такой, как представлял Алкин: высокое и длинное сооружение из красного кирпича с узкими витражными окнами и колокольной, больше похожей на пожарную каланчу. Внутри было сумрачно, окна скорее поглощали свет, чем пропускали его. Горела единственная лампа сбоку от алтаря, над низкой приоткрытой дверью, куда Сара вошла, поманив Алкина за собой.

Встретил их преподобный Алан, человек средних лет, поджарый, с цепким взглядом. Говорила Сара. Она не стала распространяться об истинных причинах, сказала только, что вот, мол, ученый из Кембриджа, интересуется кое-кем из жителей деревни. Была такая Дженнифер Поллард, которая вышла замуж...

– Пойдемте, – коротко сказал пастор, и они пошли за ним в церковный архив – комнатку без окон, где стоял тяжелый затхлый запах, но книги на удивление хорошо сохранились, без следов плесени, и содержались в образцовом порядке, так что нужный год нашелся без труда. Пастор провел пальцем по страницам с выцветшим текстом.

– Пожалуйста, – сказал он. – Дженнифер Поллард и Даймон Финчли сочетались браком 18 декабря 1936 года.

– Всего через два месяца... – прошептала Сара.

– Церемонию проводил преподобный Мартин, – продолжил пастор и, подняв голову от текста, объяснил: – Это был замечательный человек, я его знал, правда, очень немного. К сожалению, он умер через год после того, как я получил этот приход. К тому времени преподобный Мартин был уже очень стар, он скончался в возрасте восьмидесяти шести лет. В тридцать шестом ему было около сорока...

– Спасибо, – сказала Сара, – вы нам очень помогли. Может, вы знаете, что стало с мистером и миссис Финчли?

– К сожалению... – пожал плечами пастор. – Пойдемте в мой кабинет, там вы спокойно сделаете нужные вам выписки.

* * *

В офисе банка они пробыли недолго. Молодой помощник управляющего (начальства не было, и он развлекался, играя на компьютере), которого Сара, похоже, хорошо знала, потому что назвала «милым Джеком», конечно, не мог помнить Финчли, но, остановив игру, полез в архивные файлы, хорошо организованные, поисковая программа моментально (Алекс не успел обменяться с Сарой и парой слов) выдала нужную информацию.

– Даймон Финчли, – сказал «милый Джек», переводя далеко не равнодушный взгляд с экрана на Сару и игнорируя стоявшего рядом Алкина, – перевелся в наше отделение в Хавертхилле, и если вы хотите, Сара, я посмотрю в компьютере. У нас общая сеть, и я могу затребовать информацию.

– Конечно, милый Джек, – сказала Сара и коснулась ладонью его плеча, после чего пальцы молодого человека еще быстрее побежали по клавишам. Алкин не видел экрана, но, похоже, с получением информации проблем не возникло, милый Джек удовлетворенно кивал и, наконец, с возгласом «Пожалуйста!», надавил клавишу ввода. Из принтера пополз лист с отпечатанным текстом.

– Милый Джек, – пробормотал Алкин, когда минуту спустя они с Сарой вышли на улицу. Сара подняла на него удивленный взгляд и сказала:

– Милый юноша, да. Всегда готов помочь. Разве это плохо?

– Нет, – смутился Алкин. – Я, собственно...

Сара развернула сложенный вчетверо лист и прочитала:

«Даймон Финчли, год рождения 1913, работал с 1934 по 1969 годы в отделениях Бакдена (1934–1939) и Хавертхилла (1939–1969). Женат (Дженнифер Финчли, в девичестве Поллард), сыновья Нельсон и Кристофер. Адрес... телефон...»

– О! – воскликнул Алкин. – Адрес и телефон! Лучше и быть не может!

– Да? – скептически отозвалась Сара. – Это адрес старого Финчли, который наверняка давно умер.

– Сара! Вчера мы с вами даже этого не знали! Разве трудно позвонить? Может, повезет, и ответит кто-то из родственников?

– Давайте вернемся к тетушке Робертсон, – предложила Сара, – и все обсудим.

* * *

Заказали еще по чашке кофе, Алкин попросил круассаны для Сары, а себе – апельсинового сока.

Сара достала телефон из сумочки.

Странно, что Бакли не звонит, – вспомнил о главном констебле Алкин. – Мог бы и поинтересоваться результатами наших изысканий.

– Это мистер Финчли? – спросила Сара. Что ей ответили, Алкин не слышал, он и слова Сары воспринимал не как текст, а как эмоцию, ощущение. Он впитывал ее голос, как ныряльщики вдыхают воздух, вынырнув на поверхность после погружения. Сара говорила, и Алкин чувствовал, что все получается, разговор перестал быть официальным, беседовали уже будто два хорошо знакомых друг с другом человека.

– Отлично! – сказала Сара после того, как разговор закончился, а на столе появились чашки с кофе, круассаны и сок.

– Неужели Дженнифер жива?

– Нет, она умерла двадцать лет назад. Я разговаривала с сыном, с Кристофером. Он живет с семьей в том же доме в Хавертхилле, работает в текстильной промышленности, старший инженер или что-то в этом духе. Отца тоже нет в живых.

– Ну вот... – разочарованно протянул Алкин.

– Но Кристофер говорит, – продолжала Сара, – что у него сохранилась тетрадь. Что-то вроде дневника Дженнифер. После смерти матери он хотел тетрадь выбросить, но начал читать и оставил. Интересно, мол. Время от времени он перечитывает какие-то страницы, это все-таки память... и там, по его словам, есть не очень понятные для него места. Ни мать, ни отец ничего об этом не рассказывали, и, может, мы что-то знаем, он готов нам показать...

– Хавертхилл? – оживился Алкин. – Где это? Далеко?

– Не очень, миль двадцать от Кембриджа по Бабрахам-роуд, это на юго-восток. Я как-то была там, у них замечательная весенняя распродажа одежды.

– Поедем?

– Не думаю, что смогу поехать, – Сара покачала головой. – Я взяла полдня на работе, к четырем нужно вернуться. Извините, Алекс, я вас тут оставляю...

– Жаль, – пробормотал Алкин. Настроение испортилось сразу и навсегда.

– Вы можете поехать сами, – извиняющимся тоном сказала Сара. – Вот адрес и телефон, до Хавертхилла от Кембриджа ехать примерно час на автобусе. Кажется, триста пятый номер, но я могу ошибаться. Вы мне оттуда позвоните? Я буду ждать вашего звонка. Не обижайтесь, пожалуйста, я действительно не могу...

Тайлер не позволит, – подумал Алкин, но не стал говорить этого вслух.

– Обязательно, – сказал он. – Спасибо, Сара, вы мне очень помогли.

Они довольно холодно попрощались на автобусной остановке. Возможно, Сара действительно торопилась на работу, но, скорее всего, хотела увидеться с Бакли, объяснить, что русский физик не пытался за ней ухаживать.

Ну и ладно.

* * *

Алкин собрался позвонить Финчли в субботу во второй половине дня. Синхронистичность проявила себя в том, что, когда он положил перед собой листок с номером, записанным рукой Сары, телефон зазвонил сам, и на дисплее высветились цифры, которые Алкин знал уже наизусть и не ожидал когда-нибудь увидеть.

– Здравствуйте, Сара, – сказал он. – Я так рад услышать ваш голос!

– Я еще не сказала ни слова, – с легким смешком произнесла Сара. – Хочу спросить: вы ездили к Финчли? Прочитали дневник? Там есть что-то действительно важное? Вы нашли доказательство?

– Как много вопросов, – пробормотал Алкин. – Нет, я... Хочу поехать завтра. В воскресенье Финчли, наверно, свободен...

– Вы говорили, что это важно, и тянули столько времени?

В голосе Сары звучало недоумение: ох уж эти мужчины, как они медлительны...

Скрытого содержания Алкин в словах Сары не расслышал и ответил честно:

– Я плохо схожусь с людьми, и потому мне трудно решиться.

– Я так и предполагала. Хорошо, что вы еще не ездили. Завтра я смогу поехать с вами.

– О! – воскликнул Алкин и надолго замолчал.

– Алло, – сказала Сара, – вы меня слышите? Алекс!

– Да... А как же Бакли? Он тоже...

Наверно, трудно было придумать более глупый вопрос.

– Тайлер работает, – сухо сказала Сара. – Вы хотите, чтобы он поехал?

– О! Нет! – наверно, и радость свою не нужно было выражать так бурно. – Сара, я рад, что вы... Я еще не звонил Финчли, но уже приготовил речь.

– Сохраните ее для мемуаров, – рассмеялась Сара. – Алекс, я позвоню сейчас сама, договорюсь и перезвоню вам минут через десять. Хорошо?

Следующие десять минут Алкин разглядывал карту Восточной Англии, соображая, быстрее ли ехать по Кембридж-роуд или сначала по дороге А 11, а потом свернуть к Бэлшему.

– Я договорилась, – возбужденно сказала Сара. – Кристофер ждет нас завтра в одиннадцать. Я за вами заеду в девять. Будьте готовы, хорошо?

– О! – сказал Алкин.

* * *

Дорогу он запомнил плохо. Рощицы, холмы, деревни. Декорации, на фоне которых Алкин видел профиль Сары, то ярко освещенный солнцем, то погружавшийся в тень. Сара рассказывала и спрашивала, он тоже что-то говорил и отвечал на вопросы, но это были слова, а слова сейчас казались ему не интересными, он пытался ловить интонации, мысли... нет, ничего он уловить не мог на самом-то деле. Только поверхность разговора.

– В семье все решал отец, – рассказывала Сара, – а у меня с детства был отцовский характер, и я хотела решать сама. Отец постановил, что я буду врачом, а мне хотелось стать программистом. В общем, я поступила по-своему, и отец со мной три года не разговаривал. Если бы у него был какой-нибудь капитал, он бы точно лишил меня наследства, но заработал папа только на пенсию, а мама слушает его во всем. Что он мог мне сделать? Конечно, мы помирились, они с мамой приезжали ко мне в Бакден, я живу в этом городке два года, мне нравится. Скучать не умею. Дело Хэмлина меня захватило. Действительно! Не знаю, насколько вы правы, но мне тоже кажется, что обычными полицейскими методами тут ничего не добьешься. Других методов, кроме полицейских, в Скотланд-Ярде не знают, вот и похоронили дело в архиве. А

вы, Алекс? У вас есть братья или сестры? Родители живы? Как сейчас в России? Расскажите, я не очень понимаю то, что показывают по телевизору...

Алкин рассказывал. Он не подбирал слова, и речь его, наверно, казалась Саре бессвязной, но слушала она внимательно, время от времени поглядывала в его сторону, и тогда он пере-скакивал с темы на тему. Говорил вроде бы о себе, но почему-то получалось, что, в основном, о науке, об университете, о космосе – о самом для него важном в жизни. Да, он был женат, но это совсем не интересная история, Сара. Хорошо, если хотите... Женился он на третьем курсе, тогда ему казалось, что на всю жизнь: алые паруса, и умрем в один день... Любовь умерла гораздо раньше – через год после свадьбы (какая, впрочем, свадьба – вечеринка на съемной квартире, собрались человек десять...) они со Светой (да, ее Светой звали, Светлана) поняли, что не выносят друг друга. Он ненавидел ее медлительность, неспособность сосредоточиться на чем-то одном, а она терпеть не могла его пунктуальность, желание до всего докопаться, понять... В общем, разошлись и во время лекций старались садиться подальше друг от друга. А после университета вообще ни разу не виделись. Он даже не знал (и не интересовался), вышла ли она замуж еще раз. Он-то не женился. Не хотел. И времени не было. И вообще – это не интересная тема, Сара, давайте поговорим о другом...

* * *

Кристофер Финчли, пятидесятилетний толстячок с прилизанными волосами, то ли седыми, то ли светлыми настолько, что казались почти белыми, все время перемещался – от стола к шкафу, от шкафа к окну, от окна к телевизору, на экране которого без звука бегали футболисты. Финчли предложил гостям выпить, но они отказались. Он предложил остаться обедать («жена приготовила отбивные, прекрасное мясо, готовит Синти чудесно, пальчики оближешь»), но они сказали, что им нужно к вечеру вернуться в Бакден. Он предложил хотя бы отдохнуть с дороги, но Сара твердо сказала, что дело прежде всего. В результате после получасовых препирательств, во время которых Алкин не произнес ни слова, они оказались в небольшой комнатке, игравшей, видимо, роль кладовки, – вдоль стен стояли стеллажи от пола до потолка, а на стеллажах можно было найти все, что угодно, от старого компьютерного дис-плея до потрепанных книг на верхней полке под потолком. Оттуда, сверху, Финчли и достал, взобравшись на стремянку, большой пластиковый пакет с ворохом бумаг.

– Где же она... – бормотал он, вывалив бумаги на стол у окна, и Алкин переглянулся с Сарой: уж не выбросил ли Финчли мамин дневник? Нет, вот эта тетрадь – коленкоровый переплет, желтая бумага и, слава Богу, четкий женский почерк, каждая буква выписана так, будто Дженнифер готовилась участвовать в конкурсе по каллиграфии.

– Пойдемте в гостиную, – сказал Кристофер, – там удобнее.

Похоже было, однако, что он не хотел оставлять гостей одних в бесценной для него кла-довой – слишком много искушений, кто их знает, может, им не только старый дневник нужен?

Они сели на диван, прижавшись друг к другу коленями, и головы их тоже соприкасались, Саре это, видимо, мешало, она то и дело отстранялась, а Алкину мешало то, что, как ему каза-лось, Саре были неприятны его прикосновения. Из-за этого чтение сначала шло медленно, да и не было в дневнике ничего интересного: Дженнифер описывала едва ли не каждый день своей девичьей жизни. «Салли сказала, что...», «Джонни такой милый, пригласил меня в кино...»... Страниц десять они читали внимательно, потом Сара подняла взгляд на Алкина, они кивнули друг другу и начали перелистывать страницы, не вчитываясь – смысл легко было уловить, про-бегая текст по диагонали.

– Не очень интересно, правда? – спросил Кристофер, вроде бы занимавшийся своими делами, но краем глаза следивший за гостями. Может, он ничего при этом не имел в виду, но

внимание хозяина раздражало Алкина, отвлекало, и он чуть было не пропустил важное. Сара удержала его руку, готовую перевернуть очередную страницу.

«Бедняга Тед, – писала своим каллиграфическим почерком Дженнифер. – Знал бы он, как над ним подтрунивают, но он такой милый, ему ни до чего нет дела. Вчера он два часа выбирал конверты и марки».

– Тед – это Теодор? – сказал Алкин. – Я плохо разбираюсь в английских сокращениях.

– Теодор, – кивнула Сара. – Хэмлина Теодором звали. Значит, ему действительно нравилась Дженнифер.

– А вот еще, – показал пальцем Алкин. Текст гласил: «Была с Тедом в кино, смотрели «Белого рыцаря». Он милый. Когда-нибудь он схлопочет от Сэма».

– Отношения развиваются, – пробормотал Алкин. – Интересно, о чем они говорили? В науках Дженнифер ничего не понимала, а о чем мог рассказывать Хэмлин, если не о физических теориях?

– Ну, знаете! – возмутилась Сара. – Сами вы, к примеру, только о науке способны говорить? Нет? Так почему...

– Вот, – сказал Алкин, и Сара замолчала посреди фразы.

«Господи, какой ужас, – написала Дженнифер 6 октября 1936 года. – Бедный кэп умер. Мне так его жаль! Оуэн ничего не хочет говорить, а миссис Флетчер сама слышала, будто кэп умер не от приступа. Его убили, хотя никто не мог этого сделать, потому что двери и окна были заперты изнутри. Кому надо убивать кэпа? Такие злые люди, им лишь бы что-нибудь сочинить...»

Миссис Флетчер права. Манса убили. Какой кошмар. Вечером отец не отпустил меня в кино с Тедом. Сказал, что опасно, в деревне появился психически больной маньяк. Приехали люди из Лондона, а коронер отложил слушание. Весь вечер смотрела в окно. Скука смертная...»

– Скучно ей, понимаешь, – пробормотал Алкин и перевернул страницу.

«9 октября. Оуэн сказал, что ранили Сэма. Слава Богу, он жив, лежит в больнице в Кембридже. Салли с ним. С Божьей помощью, он выкарабкается...

Приходил Тед, пригласил погулять. Отец не пустил, и они с Тедом крупно поговорили. Отец запретил Теду приходить. Тед ушел, хлопнув дверью. Я сказала отцу, что могу сама решать, с кем встречаться. То, что Тед чужой, еще не повод ему отказывать. Хотя, конечно, он странный...

11 октября. Приходил Тед, когда я была занята с миссис Бедфорд. Ей всегда нужно помогать надписывать конверты. Я не успела увидеть, как это произошло, но к нему подошел Оуэн, что-то сказал, и они оба ушли. Вечером приходил Оуэн и о чем-то говорил с отцом. По-моему, Оуэн подозревает Теда. Вот глупость. Тед, конечно, с приветом, но он добрый и совсем не умеет драться. Я видела, как с ним обошелся Джек, он даже пальцем не пошевелил...

12 октября. На Джека тоже напали. Ранили в грудь. Утром пришел Оуэн с неприятным мужчиной из Скотланд-Ярда. Спрашивали, встречалась ли я с Тедом, когда, что он говорил о кэпе, Сэме и Джеке. Глупые вопросы, я им так и сказала, особенно Оуэну. Он совсем свихнулся на ревности. Он до сих пор думает, что Тед сделал мне предложение. Пусть думает. Лишь бы он не сделал Теду какой-нибудь гадости. Я ему так и сказала: оставь Теда в покое, ничего у меня с ним нет. Он, кажется, не поверил. Ну и ладно, пусть думает что хочет.

13 октября. Кто-то напал на Мэтью-малыша. Заходил Оуэн, мрачный, как туча, запретил мне выходить на работу. Я сказала, что меня уволят, а он закричал, чтобы я не возражала. Он первый раз на меня кричал, и я сказала, чтобы он уходил, я не хочу его видеть. На работу не пошла, приходила Салли, разговаривали. Салли говорит, что ничего у Оуэна нет против Теда. Оказывается, в ту ночь, когда убили кэпа, Тед до утра работал в своей комнате. Его видела в окно миссис Голсуорси, она живет напротив. У нее была бессонница, она читала

книгу, «Ярмарку тщеславия». Нуднятина, я бы точно заснула. Еще Салли сказала, что полиция устроила ночные засады, но этому я не верю. Какие засады могут устроить пятеро наших бравых бобби?

14 октября. Конечно, это глупости. Никаких засад не было, Салли все придумала. Оуэн приходил мириться и рассказал. С кэпом действительно дело нечисто, а Сэм, Джек и Мэтью сами поранились. Он с каждым поговорил в больнице и точно знает, что маньяка в Бакдене нет. Можно подумать, я без него этого не знала. Помирились. Оуэн напросился вечером в гости, отец тут же пригласил его на ужин. Значит, будет разговор о свадьбе, а я не хочу. Оуэн милый, но я не собираюсь замуж за полицейского. Мама со мной согласна. У нее старшая сестра, тетушка Аглая, была замужем за бобби в Ланкашире. Она с ним намучилась так, что умерла, бедная, от сердца. Я ее совсем не помню, мне было два года, когда она приезжала к нам в последний раз.

19 октября. Не писала несколько дней. Ужасно. Тед покончил с собой. Бедняга. Наверно, не выдержал. Не знаю, что бы сделала я, если бы все показывали на меня пальцем. Я бы сбежала. Нет, если бы я сбежала, все бы точно решили, что я виновата. Меня бы догнали и посадили в тюрьму. Может, повесили бы, хотя я ничего не сделала. И Тед ничего не делал, я уверена. Он не мог. И Оуэн тоже это знает. Но люди такие злые. Говорят ужасные вещи. Бедный Тед. Оуэн говорит, что он убил себя ножом. Но нож не нашли. Я хотела пойти, но отец запретил. Салли ходила и говорит, что Тед не закололся, а повесился, это ей сказал инспектор из Скотланд-Ярда. Бедный Тед. Ему и тридцати не было. Салли говорит, что у него не нашли даже второй пары обуви. Все, что у него было, это толстые тетради с какими-то научными рассуждениями, а больше ничего. Он всегда ходил в одном костюме, и шляпа у него была одна, точно. Но чтобы вообще ничего больше не было – странный он человек, Тед. Бедный...»

– Ей и в голову не пришло, что Хэмлин мог покончить с собой из-за нее! – возмущенно воскликнул Алкин. – Вообще все, что происходило, – из-за нее, об этом она не подумала?

– Алекс, – мягко сказала Сара и дотронулась ладонью до его плеча, – вы не умеете читать по-женски. Она думала об этом, уверяю вас.

– Вы так считаете, Сара? – поразился Алекс.

– Уверена. Смотрите. Следующая дата – 26 ноября. «Приходил Даймон, пригласил в кино на «Дракулу». Я уже видела этот фильм, но сказала, что пойду с удовольствием. Почему Даймон раньше был таким равнодушным? В детстве мы...» И так далее. Тут воспоминания – как Даймон...

– Финчли, – вставил Алкин.

– Да-да, Финчли, потом Дженнифер вышла за него замуж.

– Мой отец, – напомнил Кристофер, прислушивавшийся к разговору.

– Ваш отец, – кивнула Сара и перевернула несколько листов, бегло проглядывая текст. – Дальше ничего интересного.

– Как же – ничего! – оскорбился Кристофер, подошел и забрал у Сары тетрадь. – Вот, глядите: «Даймон сделал предложение, и я сказала, что мне надо подумать». Я часто перечитываю, это история нашей семьи, именно тогда она зародилась.

– Это ваша история, – согласилась Сара. – А о Хэмлине больше ни слова. В те дни в Бакдене происходило множество событий: расследование, вердикт коронера...

– Кстати, – подхватил Алкин, – я только сейчас подумал: где Хэмлина похоронили? В Бакдене?

– В Бакдене могилы нет, я узнавала, – вздохнула Сара. – Тело увезли в Лондон для патолого-медицинской экспертизы, а в архивы Скотланд-Ярда меня не пустили, вы знаете. Так что мы не сможем положить цветы на могилу Хэмлина.

– Если она вообще существует, – пробормотал Алкин.

– Вы нашли то, что хотели? – поинтересовался Кристофер, недоверчиво переводя взгляд с Сары на Алекса.

– Да, спасибо, – кивнула Сара. – Мы пойдем, пожалуй.

– Не останетесь на обед? – обрадовано спросил Кристофер.

– Нет, – поддержал Сару Алкин. – У нас еще много дел.

– Как знаете, – облегченно сказал мистер Финчли.

* * *

На обратном пути заехали в придорожный ресторанчик, где было уютно, играла тихая музыка, и в дальнем углу пожилая пара мирно выясняла отношения. Алкин заказал Саре запеканку и сок, а себе – телячью отбивную.

– Запеканка, – пробормотал он так, чтобы быть услышанным, – разве это еда для молодой красивой женщины?

Сара улыбнулась и ответила невпопад:

– А ведь Дженнифер очень нравился Хэмлин. Она бы за него вышла, сделай он предложение.

– Вы так думаете? – Алкин не стал спорить. Должно быть, Сара вычитала в дневнике что-то такое, на что он не обратил внимания.

– Уверена.

– Ей нравился Хэмлин, замечательно. Он – тоже ясно – ее любил.

– Это большой вопрос, – не согласилась Сара.

– Разве? Дженнифер пишет...

– Ей хотелось, чтобы так было. Представьте, Алекс, что вы любите женщину.

– Я...

– Любите, – твердо сказала Сара, не обращая внимания на замешательство Алкина. – Любите и ревнуйте. Станете вы методично расправляться с ее поклонниками? Так, чтобы все поняли – кто, почему... Влюбленный не поступил бы так, как Хэмлин. Прежде всего, он бы признался Дженнифер. Хэмлин этого не сделал.

– Боялся, что она откажет.

– Не мог он этого бояться, если любил! Я не верю, что влюбленный может тихо страдать и исподтишка мстить соперникам. Так поступает мстительный человек, для которого женщина – не цель, а средство.

– Хэмлин не любил Дженнифер. Допустим. И что?

– Ничего, – рассердилась Сара. – Я спросила, как поступили бы вы, если бы любили. Особенно если бы знали, что у вас десяток соперников.

Как бы он поступил? Когда встречался со Светой... Были у него соперники? Он знал, что за Светой приударяет Саша, парень с соседнего потока, Света потом сказала, что совсем он ей не нравился, но Саша вечно за ней таскался (их видели), рассказывал интересные истории (их слышали) и всячески демонстрировал, что Света – его девушка (Алкину об этом передавали). Он тогда... Господи, но это же правда: он долго не решался сказать о своих чувствах, но, когда понял, что у него есть соперник, то позвал Свету на прогулку и наговорил ей такого... Поженились они через месяц. Лучше бы не женились вообще, но это другая история.

– Вы правы, Сара! – неожиданно для себя воскликнул Алкин. – Вы совершенно правы! Он ничего не сказал Дженнифер, иначе она написала бы об этом. И это доказывает... Я думал... То есть, я-то совсем с другого конца... Но вы подтвердили...

– О чем вы, Алекс? – нетерпеливо спросила Сара, не поняв сбивчивой речи Алкина.

– Хэмлину нравилась Дженнифер, да, но думал он о науке. Понимаете, Сара, в физике все решает опыт. Никакая теория, даже самая гениальная и непротиворечивая, не может считаться

правильной, если она не проверена экспериментом. В жизни то же самое! Можно думать что угодно, строить любые предположения, но пока не проведен решающий опыт...

– Хэмлин убил кэпа, чтобы доказать свою теорию?

– Наверно.

– Как?

– Это неважно, Сара. То есть, я хочу сказать, неважно, закрыт дом, или двери распахнуты настежь. Темная энергия повсюду. Для человека, умеющего пользоваться этой энергией, расстояния и двери не имеют значения.

– Алекс, – сказала Сара, – то, что вы говорите, – не объяснение. Это не наука. Это мистика. Вы сами верите?

– Конечно! В том-то и дело. Вера в правильное... Как вам объяснить?.. Темная энергия везде, она заполняет все пространство, верно? Плохое название, да, мне тоже не нравится. Но дело не в слове, а в сути, в понимании явления. Сейчас мы... или лучше буду говорить о себе? Я начал понимать, что именно стоит за определением «темная энергия». Хэмлин писал – «скрытая энергия» по аналогии со скрытой массой Цвикки. Это неважно. Он... надеюсь, я тоже... правильно понял суть. В наших генах – они нам достались от предков из погибшей вселенной – записано умение этой энергией пользоваться. Но ген начинает работать, если на него поступает нужный сигнал. Сигнал понимания. Будто верный код, вскрывающий секретную программу. Если правильный сигнал от мозга получен, генетическая программа включается очень быстро. Я не знаю... Может, за минуту, может, это занимает час. И человек, наверно, начинает ощущать свою способность...

– Что-то не то вы говорите, Алекс, – хмуро сказала Сара. – Я мало что в биологии понимаю, но каждому известно: генетически можно повлиять на следующее поколение, разве нет?

– Нет! – воскликнул Алкин. – Я тоже так подумал сначала. Хэмлин писал в неопубликованной статье: если правильно верить, то все получается. О генах он не знал ничего вообще, и мне показалось, что его утверждение ошибочно. Стал копаться в интернете, и знаете что узнал? Существует эффект Болдуина – о влиянии поведения на генетическую информацию. А совсем недавно опубликована работа Робинсона – оказывается, ген очень быстро реагирует на меняющееся поведение. Буквально за считанные минуты.

– Конечно, – улыбнулась Сара, – Робинсон опубликовал свою работу как раз тогда, когда вам стала нужна именно эта информация?

– Снова синхронистичность, Сара! – воскликнул Алкин. – Вы обратили внимание?

Сара пожала плечами.

– Снова совпадение, – пробормотала она. – Верю я в Бога или в какую-то теорию – какая разница?

– Большая, – серьезно отозвался Алкин. – Если вы верите в то, чего нет... в богов, в эльфов, в пресвятую Богородицу, в многорукого Шиву, да хоть в ту же неизвестного типа энергию, с помощью которой якобы можно перемещать предметы... если вы верите в это, то сигналы, идущие от мозга, не могут запустить генетическую программу. Это неверный код, понимаете? Вера не совпадает с наукой, не совпадает с объективной реальностью. И только в тот момент, когда вы прозреваете, когда начинаете понимать, что же на самом деле представляет собой темная энергия, откуда она... понимаете, кто вы, и откуда взялась наша цивилизация... Вот тогда мозг кодирует верный сигнал, код вскрывает генетическую программу, включаются нужные комбинации генов, человек начинает ощущать то, что прежде было для него скрыто...

– Вы хотите сказать, Алекс, – уточнила Сара, – что, если я верю в неправильную теорию темной энергии, то ларчик не открывается, а если теория правильная, и я в нее верю, как в Христа и Марию Магдалину, то...

– Да. Вы можете, как Хэмлин, убить человека, не выходя из собственной комнаты.

– Для этого нужно только пожелать? Как заклинание? Как волшебство?

– Пожелать, да. Прежде всего – понять, что это есть. Потом – пожелать. Заклинание? Нет, конечно. То есть, ровно в той же степени, в какой выглядит заклинанием, когда спортсмен восклицает «Хоп!» и после этого прыгает так далеко, как никто другой. Волшебство? Нет, конечно! То есть, ровно в той же степени, в какой выглядит волшебством, когда гипнотизер заставляет совершенно не знакомого человека заснуть и во сне писать замечательные картины, хотя никогда прежде не держал в руках кисти. Все, конечно, гораздо сложнее, само по себе слово не способно и молекулу сдвинуть, но через длинную цепочку воздействий и взаимодействий... Понимаете? Нужно принять, что это в вас – есть. Что темная энергия – такая же реальность и возможность, как реально и возможно поднять руку и взять эту чашку... Если вы этого не понимаете и не принимаете, ничего не происходит.

– Там какая-то химия, – пробормотала Сара, – не просто так. Какие-то кислоты разрушаются, ферменты взаимодействуют...

– Конечно! Это – механизм. А я говорю о принципе. Темная энергия очень слабо взаимодействует с веществом. Но взаимодействует, иначе наша Вселенная давно перестала бы расширяться и сжалась в точку. А на Земле не возникло бы жизни. И нас с вами. Понимаете? Если бы не было темной энергии...

– Не то вы говорите, Алекс, – упрямо сказала Сара. – Эта ваша темная энергия слабо взаимодействует с веществом. Так слабо, что на Земле ее не обнаружили, верно?

– Верно. Не обнаружили.

– А по-вашему получается, что Хэмлин пользовался темной энергией так же просто, как я поднимаю чашку.

– Конечно. В нас это есть. В каждом. Нужно только понять, осознать, научиться...

– И вы хотите сказать, Алекс, что Хэмлин все вдруг понял, осознал и научился... как йог управляет своим телом, – управлять реальностью?

– Каждый из нас, – с жаром воскликнул Алкин, – может делать то же самое! Каждый, кто поймет, осознает и... да, научится. Как йог.

– Вы хотите сказать... – Сара смотрела на Алкина с каким-то чувством, которое он не мог определить. Страх? Неприязнь? Недоверие?

Что-то еще...

– Он поставил решающий эксперимент, – упрямо повторил Алкин. – Вы правы: он любил не Дженнифер, он любил физику.

– И себя в физике.

– Что? Да, наверно.

– Тогда он не покончил бы с собой, – покачала головой Сара. – Что-то здесь не вяжется. Звякнул мобильник, тихая мелодия разлилась в воздухе, Сара достала из сумочки аппарат. Бакли? Интересуется, отчего невеста так долго не дает о себе знать? Ревнует?

– Нет, все нормально, – Сара скосила глаза на Алкина, и он демонстративно отвернулся. Ничего не вижу, ничего не слышу.

– Да, нашли, – говорила Сара – короткими предложениями, будто хотела быстрее закончить разговор. – Нет, ничего интересного. Едем назад. Часа через два. Что?

Сара замолчала и долго слушала, Алкину показалось, что и он понимает отдельные слова. Что-то вроде: «жду, люблю, надеюсь». Нашел время признаваться в своих чувствах. Не в первый раз, наверно.

– Да, об этом мы не подумали. Спасибо, папа, я тебе позвоню, – сказала Сара, заканчивая разговор.

Папа?

– Звонил отец, – Сара спрятала телефон и отодвинула в сторону тарелку с остатками запеканки. – Я ему вчера рассказывала, и он заинтересовался. Папа у меня – человек деятельный, а когда чем-то увлекается... Знаете, что он сделал?

– Нет, – пробормотал Алкин, чувствуя, как у него горят уши. Неприятно. Почему он решил, что звонит Бакли? Почему решил, что расслышал «жду, люблю»? Впрочем, может, и слышал – разве отец не может сказать это любимой дочери?

– Он позвонил Тайлеру и потребовал у него список – с адресами – всех пострадавших в тридцать шестом. Потом узнал телефоны в справочной. И позвонил каждому.

– Почему мы сами об этом не подумали? – воскликнул Алкин.

– Я была уверена, что все эти люди давно умерли.

– А они...

– Мэт Гаррисон жив, представляете? Ему девяносто два года, и он сейчас в доме престарелых в Грэфхеме. Это папе сказала женщина, которая купила у Гаррисона дом в Бакдене. Она, кстати, иногда его навещает и говорит, что старик в ясном уме и твердой памяти.

– И ваш отец...

– Позвонил в Грэфхем, конечно! К телефону Гаррисона не позвали, он спал. Он почти все время спит, возраст такой... Папа очень собой горд – рад, что сумел мне помочь.

– Простите меня, – сказал Алкин.

– За что? – удивилась Сара.

– Я подумал... Неважно. Простите, и все.

Сара внимательно посмотрела Алкину в глаза. Он не знал, что она поняла, о чем подумала, но сказала коротко:

– Прощаю.

– Поедем в Грэфхем? – оживился Алкин. – Это небольшой крюк, верно? Мили три от Бакдена к западу?

– Да, нужно проехать поворот на Бакден, следующая развилка – на Грэфхем. Мы сможем там быть часам к семи.

– Нормальное время для свиданий, верно?

Алкин расплатился за недоеденный ленч и отказался от предложенных напитков. Он хотел быстрее оказаться в машине, рядом с Сарой, смотреть на ее профиль и приводить в порядок мысли. Ехали они не так быстро, как хотелось, во второй половине дня трафик на шоссе оказался очень плотным. Вряд ли они успеют к семи, а потом их могут к Гаррисону не пустить, старики рано отходят ко сну.

Телефон у Сары опять заиграл, и на этот раз у Алкина не было сомнений, что звонит Бакли.

– Алекс, ответьте, пожалуйста, – попросила Сара. – Скажите Тайлеру, что я веду машину и не могу говорить. Телефон в сумочке.

Мечта жизни, – подумал Алкин. – Говорить с женихом девушки, которую... которая...

– Сара ведет машину, – сказал он, услышав в трубке требовательный голос главного констебля. – К сожалению, она говорить не может и просит...

– Послушайте, мистер Алкин, – Бакли был раздосадован и не скрывал этого, – напомните Саре, что у нас билеты на семичасовой сеанс. Если она не успевает, то пусть едет прямо к кинотеатру, там мы и поужинаем.

Он прервал разговор, не став слушать, что ответит Алкин. Отдал приказание, как одному из своих констеблей. Пойдешь туда-то, сделаешь то-то. Хорошо хоть, не потребовал доложить об исполнении.

– Что? – спросила Сара. – Тайлер недоволен?

– Он говорит, у вас в семь...

– Конечно! – воскликнула Сара. – Совсем вылетело из головы! Мы еще неделю назад договорились пойти на «Дом у озера».

– Значит, – констатировал Алкин, отвернувшись к окну, – мы не поедем в Грэфхем. Я выйду, когда будем проезжать Кембридж. На Ньюмаркет-роуд, если вам не трудно.

Сара молчала, машина резко вывернула в левый ряд, где оказался просвет. Собственно, в чем проблема? В Грэфхем он может съездить и сам, в конце концов. Не сегодня, конечно.

– Мы едем в Грэфхем, – голосом, лишенным эмоций, произнесла Сара. – Гаррисон – старый человек. Может, он вообще ничего не помнит, но у меня почему-то ощущение, что мы непременно должны поговорить с ним сегодня.

– Странно, Сара, у меня такое же чувство, – тихо сказал Алкин.

– Нетерпение, – похоже, Сара пыталась оправдаться перед собой. – Всегда со мной так. Ничего не случится за день или два. Но кажется, что, если не сделать этого сегодня, то никогда себе не простишь. Впрочем, при таком трафике...

Возникла развилка, большая часть машин свернула налево, в сторону Лондона, и шоссе оказалось почти пустым, впереди вышло из туч багровое закатное солнце и сразу скрылось в сером мороке, став похожим на бледную полную луну.

– Синхронистичность, – сказал Алкин. – Только вы сказали о трафике...

– Почти все едут в Лондон, а не на запад, – улыбнулась Сара. – Вы пока подумайте, что мы станем спрашивать у Гаррисона.

– А что вы скажете Тайлеру? – вырвалось у Алкина.

– Алекс, вам не кажется, что...

– Простите.

Сара промолчала.

* * *

Дом престарелых в Грэфхеме представлял собой десяток коттеджей, соединенных гравийными дорожками. Охранник на въезде спросил, кого они хотят видеть, и, услышав ответ, дал точную информацию: мимо двух коттеджей прямо, потом налево до коттеджа номер семь, у мистера Гаррисона вторая комната, но он сейчас, скорее всего, в гостиной смотрит телевизор. Или спит перед телевизором, что одно и то же.

Тайлеру Сара позвонила, когда они подъехали к повороту на Бакден и остановились перед светофором. Алкин старательно делал вид, что ничего не слышит, и действительно не слышал. Во всяком случае, когда зажегся зеленый, и Сара рванулась с места, едва не врезавшись в бампер ехавшей впереди машины, Алкин не смог вспомнить ни слова из разговора.

Гаррисон действительно смотрел в холле телевизор. Точнее, спал. Он сидел в инвалидной коляске – старенький, сморщенный, совершенно лысый, с большими оттопыренными ушами, похожий на летучую мышь. Если его подвесить к потолку вниз головой, сходство будет полным, – подумал Алкин и устыдился своей мысли.

Слух у старика, однако, был хорошим. Пока Сара объясняла поднявшейся им навстречу сиделке цель визита, Гаррисон открыл глаза и повернул голову, подслеповато разглядывая вошедших.

– Пустите их, Анна, – неожиданно громким, хотя и хриплым голосом, потребовал Гаррисон. – В кои-то веки ко мне посетители, а вы им допрос устраиваете. Проходите, молодые люди, берите стулья. Анна, отодвиньте меня, пожалуйста, от этого чертова ящика – он вопит, как тысяча чертей, мы не сможем нормально разговаривать. Или звук приглушите, но тогда эти старые хрычи ни черта не услышат.

Старик говорлив, – подумал Алкин и сам отвез коляску к дальней стене. Сара пододвинула стулья.

– Я вас не знаю, – заявил Гаррисон.

– Это мисс Сара Бокштейн, – представил Сару Алкин. – Она работает в мэрии Бакдена.

– А это, – сказала Сара, – мистер Алекс Алкин.

– Иностранец, – констатировал Гаррисон. – Сейчас в Англии иностранцев больше, чем нас, даже здесь работают филиппинки и один негр из Конго. Каково? Вы откуда приехали, молодой человек?

– Из России, – коротко отозвался Алкин.

– Ах! Это еще хуже. Знал я одного из России – отвратительные воспоминания.

Алкин и Сара переглянулись – похоже, дед не только говорлив, но и, как многие старики, любит рассказывать о своем боевом и мирном прошлом. Это хорошо – можно навести на нужные воспоминания. Но и плохо тоже – мало ли о каких эпизодах придет ему в голову поведать гостям, которых он не ждал. И придется слушать: перебеешь – неизвестно, удастся ли продолжить разговор.

– Да, отвратительные, – продолжал Гаррисон, все больше возбуждаясь. Он начал размахивать руками и довольно сильно ткнул Алкина локтем в бок. – Простите, мистер, вы, конечно, не в ответе за своего соотечественника, хотя, надо отдать ему должное, он меня еще кое-чем наградила, ха-ха, сначала чуть не убил, правда, я ему этого никогда не прощу, даже на войне со мной такого не случалось, помню, зимой сорок пятого в Антверпене...

– О, Господи... – пробормотал Алкин, отодвинув стул на безопасное расстояние.

– Мистер Гаррисон, – начала Сара, – мы хотим спросить вас...

– Да, в Антверпене! – воскликнул старик. – Но вам это не интересно. Вот вы, – он ткнул пальцем в сторону Алкина, не достал и повернулся к Саре, – вот он, этот русский, они там уверены, что сломали Гитлеру хребет, а я вам точно говорю, это наши парни зимой сорок пятого...

– Конечно! – с энтузиазмом произнесла Сара. – Но мы хотим спросить...

– Знаю я, о чем вы хотите спросить, – неожиданно спокойно, будто из него вышел весь заряд энтузиазма, сказал Гаррисон. – Только вспоминать мне об этом неприятно, понимаете?

– О чем? – осторожно спросил Алкин.

– Об этом, – сказал Гаррисон и принялся негнушимися пальцами расстегивать верхние пуговицы теплой рубашки. Пуговицы не поддавались, старик начал сердиться и оглядываться в поисках кого-то, кого, похоже, не было в комнате.

– Сейчас, мистер Гаррисон, минуточку, – к ним уже спешила маленькая смуглая женщина в униформе, филиппинка, иностранка, но старик с удовольствием подставил ей грудь, позволил расстегнуть пуговицы и откинуть ворот так, что стал виден рубец чуть ниже левого соска.

– Он всем показывает, – тихо сказала филиппинка, обращаясь к Саре. – Вы извините...

– Ничего, – улыбнулась Сара. – Все в порядке.

– Вы об этом хотели узнать, верно? – сказал Гаррисон, почесав рубец пальцем.

– Как вы догадались? – спросил Алкин. – Мы пока ни слова не...

– Догадался? – презрительно проговорил старик и принялся, теперь уже спокойно, застегивать пуговицы. – Зачем мне догадываться? Я знаю.

– Знаете, – повторил Алкин. Не переспросил, только повторил, будто укрепляя эту мысль в собственном сознании. – Вы говорите о Хэмлине?

– Это вы говорите о Хэмлине.

– Мы ни разу не произнесли это имя.

– Да? Значит, кто-то из вас о нем подумал. И не спорьте.

– Мы не спорим, – в голосе Алкина прозвучал тихий восторг. Сара сказала непонимающе:

– Вы... умеете читать мысли?

– Ах, – Гаррисон сложил руки на тощей груди и закрыл глаза. – Какие мысли? Вы называете это мыслями? Вот у него были мысли, да. Только человек он был плохой. Плохой... Плохой...

Он засыпает? – подумал Алкин. Похоже было, что так – старик быстро устал от общения, не часто, видимо, его посещали в этой юдоли старости. Дышал он странно, неравномерно –

то быстро, а то вдруг задерживал дыхание, – и можно было подумать, что старик отходит в лучший мир.

– Мистер Гаррисон, – тихо сказала Сара и дотронулась до его плеча. Старик вздрогнул, открыл глаза и сказал, будто и не прерывал начатого предложения:

– Плохой он был человек, вот что я вам скажу. Напрасно вы о нем спрашиваете. Из-за него вся моя жизнь... Эх...

– Вы говорите о Хэмлине? – повторил Алкин и получил тот же ответ:

– Это вы говорите о Хэмлине.

– Мы ни разу... – Алкин запнулся, поняв, что разговор пошел по кругу. – Вы его хорошо помните?

Гаррисон почесал место, где под рубашкой находился шрам.

– Да, – сказал он коротко.

– Вас допрашивали в полиции? Тогда, после...

– Конечно.

– Почему вы говорите, что он русский? – неожиданно вмешалась Сара.

– Потому что он и был русским, – Гаррисон сложил ладони на коленях, смотрел теперь на гостей в прищур, медленно переводя взгляд с Сары на Алкина и обратно, будто локатором контролировал окружающее пространство. – В Кембридж он приехал из Парижа, и потому многие думали, что он француз. На самом деле он был русский, настоящая его фамилия Харин. Он почему-то ее стеснялся и записал себя Хэмлином. Родители его сбежали от большевиков в восемнадцатом, он тогда был ребенком, чуть, говорит, не умер от испанки. Жили в Париже, мать умерла, а отец все-таки дал сыну образование, и тот окончил Сорбонну.

– Он вам сам рассказывал? – не удержался от вопроса Алкин и удостоился недовольного взгляда.

– Рассказывал, да. Потом уже. Когда уходил.

– Уходил?

– Послушайте, молодой человек, – сказал старик брюзгливым тоном, – вы хотите, чтобы я рассказал? Вы за этим приехали из Кембриджа? Так молчите и слушайте. Вы можете слушать молча?

– Могу, – согласился Алкин.

– Вы умеете читать мысли? – Сара все время думала об этом: как мог Гаррисон знать о цели их визита, почему сразу вспомнил о Хэмлине и показал шрам?

– Нет, не умею, – буркнул Гаррисон. – С чего вы взяли?

– Но вы...

– Есть вещи, – старик смотрел на Сару, как на нашкодившую девочку, которой приходится объяснять простые и всем взрослым понятные истины, – есть, говорю, вещи, которые просто знаешь. Минуту назад не знал, а сейчас знаешь. Вы будете слушать или говорить сами? Если сами, я, пожалуй, попрошу Флорес, это та филиппиночка, смазливая, да, будь я моложе лет этак... ха-ха... на шестьдесят...

– Мы слушаем, – быстро сказал Алкин и, придвинувшись к Саре, взял девушку за руку. Она крепко сжала его пальцы.

– Слушаете, – Гаррисон уставился на их сцепленные пальцы, будто хотел расцепить их взглядом. – Слушаете, значит. Ну, слава Богу... В Бакдене Харин поселился осенью тридцать пятого...

* * *

Он поселился у миссис Редшоу на Силвер-стрит. Место не очень удобное, на отшибе, то есть, тогда это было на отшибе, а потом оказалось почти в центре, но это после войны,

когда началось большое строительство, а тогда дом стоял на окраине, и потому плата, наверно, была не очень большая, во всяком случае, Хэмлин мог себе позволить. Из его окон виден был церковный погост – умиротворяющее зрелище. В деревне не знали, чем Хэмлин занимался – ученый, да, у нас уважали ученых, но никто ничего не понимал ни в какой науке. А еще не нравилось, что Хэмлин – иностранец. Чужой вдвойне. Впрочем, он никому не навязывался в друзья – жил анахоретом, иногда его видели в кинотеатре, на фильмы тогда ходили семьями, потом на площади обсуждали, а он приходил перед самым началом, билетов уже не было, но его пускали, он приносил складную скамеечку, садился у стены, а когда фильм кончался, быстро уходил. Станный человек, да.

Весной, незадолго до Пасхи, он пришел к нам в контору, я работал у «Берримора и сына», старый, правда, к тому времени уже умер, дело вел молодой, а я служил солиситором и надеялся когда-нибудь стать компаньоном. Тогда моя память была еще не очень... то есть, как у всех... так что я уже плохо помню... Хэмлин хотел заверить документ о рождении, в Париже у него умерла родственница, и ему могло что-то перепасть. Деньги, как он сказал, не очень большие, откуда у русских эмигрантов большие деньги? Но все-таки в его положении...

Тогда я узнал, что настоящая его фамилия – Харин, а имя Федор. Он меня не просил молчать, но я никому не рассказал. Служебная этика. Это как тайна исповеди, а я был очень привержен корпоративным правилам. Пока я заполнял документы, Хэмлин рассказал о том, что в Сорбонне изучал астрономию и физику. Я его спросил: неужели это так интересно? Есть множество профессий, где можно заработать на сносную жизнь, а что ваша физика, видел я кембриджских студентов, с хлеба на воду перебиваются, если, конечно, у них нет богатых родителей. Он на меня посмотрел... Ответил в таком духе, что нет, мол, науки более важной для всех людей, чем астрономия с физикой, он их почему-то всегда вместе называл...

– Астрофизика, – вставил Алкин и замолчал под осуждающим взглядом Сары.

– Э-э... да. И еще он меня спросил, я даже удивился, подумал: эти иностранцы невоспитанны, никакого понятия о хороших манерах. Я печать достал, а он вдруг спрашивает: «Как вы относитесь к Дженнифер, что на почте работает? Вы ее любите или просто так?». Я чуть печать не уронил и ответил резко, хотя и был на службе: «Вам какое дело?». Грохнул печать и протянул готовые документы. Уж как он мне стал неприятен... Да, ухаживал я за Дженни, а ей и предложение делал, честь по чести, а она отказывала, причем не так чтобы совсем, а как женщины умеют: вроде и нет, но такое ощущение, что сказала бы «да», но что-то ей мешает. Попробуй, мол, еще раз чуть позже, я, мол, могу передумать. Так-то... Хэмлин бумаги взял, сунул в портфель и... Что было дальше, не помню. Пытался вспомнить, много раз пытался. То вспоминается, будто он так и ушел молча. А то – будто он на меня удивленно посмотрел и сказал: «Мое это дело, конечно. И не советую вам к Дженни приставать». Не советует, значит.

Летом мистер Берримор уехал на лечение во Францию, он каждое лето проводил на Ривьере, лечил свой бронхит, и я остался вроде старшего. С Дженни в те месяцы у меня все было хорошо – мы гуляли, ездили в Грэфхем на озеро, я был почти уверен, что она за меня выйдет, хотя знал, конечно, что и Хэмлин к ней подкатывался, и еще кое-кто в деревне, из тех, с кем мы в детские годы вместе по лесам шастали. Сэм Коллинз, например. Меня это злило, конечно, но Дженни, когда я с ней разговор заводил, только смеялась и говорила, чтобы я не брал в голову, у всех ее подруг, мол, тоже по пять-шесть ухажеров, это нормально, девушка должна иметь возможность выбирать, верно?

Так получалось, что мы с Хэмлином довольно часто сталкивались на почте – он приходил получать свои научные журналы, он их из Америки выписывал, я видел пакеты, а я после работы Дженни у дверей сторожил, провожал домой, правда, она не всегда разрешала, и я ревновал, понимал, что этим вечером она с Джеком договорилась или с тем же Хемлином.

Не знаю, получил ли он наследство из Парижа. Никуда он из деревни надолго не выезжал, только в Кембридж на работу. Однажды – это уже осенью было, примерно за неделю до того, как он меня ножом саданул...

– Хэмлин? Точно? – не удержался от восклицания Алкин. – Вы видели?

– Алекс! – сказала Сара, а старик поджал губы, осуждающе посмотрел не на Алкина, а куда-то поверх его головы, и продолжал:

– Случился у меня с Хэмлином разговор. Он из Кембриджа возвращался, а я к Дженни шел, куда-то мы вечером собрались, не помню. Идем навстречу друг другу. Думаю – как вежливый человек, я должен поздороваться, верно? Поравнялись мы, только я рот раскрыл, а он мне говорит: «Сэр, не будет ли у вас пяти минут, чтобы меня выслушать? Я вас надолго не задержу». Когда вежливо просят, почему нет? Отошли мы к донжону, там скамейка стояла, сели. «Мэт», – говорит он, а я про себя думаю, что, если он о Дженни речь заведет, я его все-таки побью. Но о Дженни в тот вечер не было ни слова. «Мэт, – сказал он, – я сейчас провожу очень важный для меня эксперимент в области физики». ... Или не физики, какое-то слово он сказал, я не запомнил. «И мне, – говорит, – позарез нужна ваша помощь». Странно, да? Я так и сказал. А он: «Если вы не против, то прошу не удивляться ничему, что будет происходить. У вас, Мэт, память профессиональная, запоминайте, а потом сверим впечатления». Я говорю: «Хорошо, если только в этом моя помощь заключается, хотя и непонятно, какой эксперимент можно провести в нашей глуши». Он засмеялся и сказал: «Главное – вера и знание». Эти два слова я запомнил точно: вера и знание. Честно говоря, я был рад, что он о Дженни вроде и забыл, а в науке помочь – почему нет? Если бы знал, чем кончится...

Гаррисон замолчал, прислушиваясь к своим ощущениям. Что-то у него заболело или о чем-то он вспомнил – Алкину показалось (может, так и было на самом деле), что в уголках глаз у старика выступили слезы.

– Мистер Гаррисон! – позвала, появившись у двери в коридор, малышка Флорес. – Вечерний чай готов! Ваши гости, наверно, собираются уходить.

Намек был более чем прозрачным.

– Уйдут, когда я скажу, – заявил Гаррисон. – Чай подождет.

Флорес вышла, не сказав больше ни слова. Похоже, – подумал Алкин, – со стариком здесь считаются.

– Ночью, – продолжал Гаррисон, – я не мог заснуть. Весь тот день был ужасный. Я вам не сказал: предыдущей ночью кто-то убил Манса Коффера. Вся деревня об этом только и говорила. Нож не нашли, значит, кто-то его унес. Я хотел поговорить с Дженни, но ее не выпустили из дома, я покрутился неподалеку и пошел к себе. Что-то было. Предчувствие? Или нормальное беспокойство? Не знаю. Полежал без сна до утра, встал с тяжелой головой, собрался на работу... И все. Больше ничего не помню. Даже боли не было. Хотел сесть на велосипед и вдруг открыл глаза в больнице. Грудь болит, я решил, что это сердечный приступ, испугался, а тут подходит врач, оказывается, я в госпитале в Кембридже. Потом я опять потерял сознание, больно стало очень... Не хочу вспоминать. На третий день пришел детектив. Спрашивал, записывал. А что я мог сказать? Никого не видел, ничего не слышал. Но я точно знал – это Хэмлин. Как он это сделал? Бог весть. Мстил за Дженни? Наверно, но я был уверен, что не в Дженни дело. То есть, не только в ней. Он же меня предупреждал ничему не удивляться, и я согласился. Важный опыт, да. Если бы он из-за Дженни... Ну, ударил бы, я бы ему тоже влепил. Парни у нас часто дрались из-за девушек – как везде, впрочем. Но чтобы ножом... и никаких следов... ясно, тут какая-то ученая закавыка. Надо было, наверно, сказать детективу о нашем с Хэмлином разговоре. Не сказал. Получилось бы как навет. Все знали, что мы на ножах из-за Дженни...

Я был уверен, что, когда вернусь из больницы, Хэмлин придет объясниться. Про эксперимент свой рассказать. А если бы нож попал на полдюйма выше? Впрочем, Мансу и этого оказалось достаточно. Об остальных я тогда еще не знал – мне не говорили, чтобы не волновать.

Что меня угнетало даже больше, чем рана, – Дженни ни разу в больницу не приехала. Я ждал. Когда дверь открывалась, думал: сейчас войдет она...

Домой меня отпустили в конце октября, и Хэмлин пришел в тот же вечер. Отец мне успел рассказать обо всем, что творилось в деревне, – кроме бедняги Манса и меня, еще двое... И полиция подозревает Хэмлина, хотя улики никаких. Все в разное время увивались вокруг Дженни – ну и что?

Хэмлин явился вскоре после ужина, отец не хотел его впускать, а мать собралась вызвать полицию. Я лежал в своей комнате, к вечеру мне становилось хуже, Дженни так и не пришла, а ведь знала, что я уже дома. Я понимал, что это для меня означало, и боль в душе была больше, чем физическая. Когда я услышал голос Хэмлина, то крикнул отцу... Крикнул, ха... Пророботал что-то. Мать все-таки услышала, вошла ко мне, я и сказал, что хочу его видеть. Нам, мол, есть о чем поговорить. Впустили.

Хэмлин сел на стул у кровати, и произошел у нас такой разговор, передаю его дословно, потому что память у меня с того вечера, как говорят, фотографическая.

«Как вы себя чувствуете? – это он спрашивает. – Я уверен, все будет в порядке».

Каково? Что я должен был ответить?

«Вашими молитвами, – говорю. И в лоб: – Эксперимент ваш удался?»

Хэмлин на меня посмотрел, до того он глядел в пол, будто глаза боялся поднять, и взгляд у него был такой... не скажу «затравленный», но угасший, пустой, как бывает, когда человек решил, что все кончено.

«Да, – сказал он. – К сожалению».

«К сожалению?» – спросил я иронически, то есть, я хотел, чтобы было иронически, но как получилось – не знаю.

«Да, – повторил он. – Потому что это невозможно контролировать. Я думал, что... Послушайте. Я вам расскажу, это важно, вы можете хоть завтра донести в полицию, и там я все повторю, не беспокойтесь».

«Почему бы вам самому не пойти к Диккенсу?» – спрашиваю.

«Это было бы глупо. Он не поверит. Никто не поверит. Слишком рано. И слишком поздно».

«Рано или поздно? – я начал сердиться, и рана разболелась, я, должно быть, побледнел, потому что Хэмлин вскочил на ноги и, наверно, хотел позвать мать или отца, но я подал знак, садитесь, мол, и продолжайте, со мной все в порядке, могу слушать».

«Хорошо, – сказал он. – Эксперимент, да. Понимаете, Мэт, в чем дело. Доказать что-то в физике невозможно. На самом деле мы не доказываем, а убеждаем коллег в своей правоте, потому что физика не математика, тут нет аксиом Евклида или «дважды два четыре». Решающий эксперимент в физике или решающее наблюдение в астрономии – это не доказательства на самом деле, а способ убеждения оппонента. Если убедил, значит, теория правильна. Понимаете?»

«Ну... – говорю. – В юриспруденции тоже так. Обвинение убеждает присяжных в том, что улики достаточно, а защита – что улики мало или они не относятся к делу. И все это называется доказательствами. А нужно убедить, да...»

«Значит, вы меня поймете. Я знаю, что во всем мироздании нет больше никаких разумных существ, кроме человека. И не будет. И быть не может, потому что наша Вселенная – это элементарная частица материи, если смотреть снаружи. И возникла из элементарной частицы, как пишет месье Леметр. Частицы же бывают двух сортов. Не буду вас утомлять, да вы не пой-

мете, не хочу вас обидеть, просто вы не физик, меня и коллеги не поняли, так что... В общем, Вселенная наша, как частица Ферми, – ничто в ней не повторяется дважды. Понимаете?»

Я собрался с мыслями, хотя это было трудно в моем положении, и сказал:

«Нет. Как это – не повторяется? Вон за окном лес – не одно дерево, а сотни. Вон звезды – вы-то знаете, сколько их на небе, верно?»

«Я не о том, – говорит он с досадой. – Деревьев много, да. Людей тоже. Но разум – один на всю Вселенную. Другого нет. И все звезды светят потому, что водород превращается в гелий, как недавно сэр Эддингтон доказал. Все это объекты одного типа. Других нет. Миллионы деревьев, миллиарды насекомых, триллионы бактерий – одна суть жизни. Белок. Другой жизни нет во всей Вселенной».

«Пусть, – говорю я. – Какая разница?»

И демонстративно дотрагиваюсь до повязки на груди. Он понял, конечно.

«Вы правы, – говорит. – Никакой разницы. Когда-нибудь кто-то поймет, а пока – никакой разницы. И я не буду вам рассказывать о наблюдениях Фрица Цвикки. Логика вы не поймете, а иначе как я вас смогу убедить, что прав? Суд присяжных, верно. Все мы... Ладно. Решает эксперимент. Эксперимент убеждает. Когда мне вернули главную статью и только две, самые простые, позволили опубликовать, да где... В университетских записках, которые только студенты и читают... Я понял, что без эксперимента не обойтись. Но я не знал... Понимаете, я действительно не имел ни малейшего представления о том, что может получиться! Каким окажется результат. Я долго думал. Год. Переехал из Кембриджа в деревню, чтобы ничто не мешало думать. Потом понял, что делаю только хуже, потому что эксперимент на самом деле уже начался. Когда я ощутил внутри себя, что я и кто, и кто все мы, и в какой Вселенной живем, тогда решающий опыт начался сам по себе, я ничего не мог уже поделать, оставалось только следить за собой и не предпринимать ничего такого, что могло...»

«Не понимаю! – сказал я с отчаянием. – О чем вы говорите?»

«О том, что человек не появился бы, если бы Вселенная была устроена иначе. О том, что Вселенную и нас с вами заполняет энергия, но мы ее не ощущаем, как не ощущаем воздуха, которым дышим. Энергия заставляет Вселенную расширяться, физикам это известно уже полтора десятилетия, господин Фридман в России решил уравнения тяготения и доказал, то есть, попытался убедить коллег, что это так, но не убедил даже самого Эйнштейна... Это огромная энергия. Возможно, даже, скорее всего, – бесконечная. И мы из этого океана черпаем, не подозревая о том. Вы верите в Творца?» – неожиданно спросил он.

«Конечно», – мне показался подозрительным его вопрос. Я вспомнил, что Хэмлин русский, а у них, в России, принято сейчас не верить в Бога, но он ведь и француз в некотором роде...

«Ну, тогда... – говорит. – Впрочем, неважно. Можете считать Богом энергетический океан. Мы бы так и остались амебами, если бы не энергия, которая толкает нас в будущее. Обычно ее не ощущаешь, как воздух. Но если понимаешь, что дышишь воздухом, что без воздуха умрешь... Тогда можешь задержать дыхание или наоборот – дышать быстрее. Так и здесь – когда понимаешь, что в тебе энергия, которая раздвигает мироздание... Ощущаешь, что можешь такое... И действительно можешь. Как напрягаешь мышцы, чтобы перепрыгнуть барьер, так напрягаешь разум, чтобы убедить себя и других. Будто черпаешь горстями воду из океана, но не удерживаешь, вода проливается, протекает между пальцев... Я не хотел убивать!» – Хэмлин воскликнул это так яростно, что я приподнялся на подушках, и в груди возникла острая боль. В комнату заглянул отец, он держал ружье, нацелив на Хэмлина, и я махнул рукой: уходи, сами, мол, разберемся. Он не хотел убивать! Господи, я понимал в тот момент, что да, он не хотел, он и мне не хотел причинить зла, я это видел, в тот момент я не мог ошибиться, потому что странным образом чувствовал его мысли, его душу, он мог бы мне и не объяснять ничего больше, потому что настал момент понимания. Не знаю, знакомо ли вам это ощущение,

когда понимаешь другого без слов. Без слов понимаешь даже лучше – слова скрывают смысл, а я в тот момент ощутил, что знаю суть опыта, проведенного Хэмлином над собой – не над нами, упаси Боже, хотя получилось не так, как он хотел...

«Я всего лишь впустил в себя больше воздуха, – сказал Хэмлин. – Я только позволил всепроникающей энергии проявиться. Для этого на самом деле нужно немного. Уверенность в том, что разум один в мироздании, что путь разума предрешен, что энергия, питающая наш разум, бесконечно велика, и, значит, бесконечно велика наша сила, которую мы не осознаем и потому не можем пользоваться. Убежденность, понимаете? Вера. И тогда начинает получаться... Начинает получаться, но, как оказалось, не то, что ты сознательно хочешь, а то, о чем ты даже думать боишься. Что-то внутри нас оказывается сильнее рассудка. Я думал, а что-то внутри думало за меня... Я лежал в постели и представлял, как на поле за церковью, на ничейной земле, где растут сорняки, к утру все будет прополото, растения из земли вырваны, это каждый сможет увидеть, и вы тоже, и все будут знать, что никто не мог сделать эту работу за одну ночь. Это будет доказательство... аргумент... Я думал об этом, глаза закрывались, и в какой-то момент передо мной возникло лицо Дженнифер. Сердце сжалось, тогда, видимо, и наступил момент... Думаешь мыслью, а делаешь чувством... Я вспомнил всех, кто пытался... Дженни отказала каждому, но они хотели... Укол ревности. Острый укол – чуть ниже сердца, будто ножом резануло. Это было минутное... нет, даже мгновенное ощущение. Я отогнал его, оно мешало, и образ Дженнифер я тоже отодвинул, нужно было думать о сорняках, об эксперименте, и я думал. Пока не заснул».

«Не было ничего с тем полем, – сказал я. – Оно и сейчас в сорняках. Ничего у вас не вышло».

«Да, – кивнул он. – Только на следующую ночь кэп Коффер умер от раны в груди, как раз на том месте».

«А потом я», – мой голос, похоже, дрогнул, и Хэмлин положил ладонь мне на грудь. Мне было неприятно прикосновение, не у меня не хватило сил сбросить его руку.

«Потом вы, – согласился он. – А после – остальные. Сначала Джек Петерсон – он живет чуть дальше вас от моего дома. Последним стал Сэм Коллинз – его дом на противоположном краю Бакдена. Почему так? Не знаю. Это – закономерность, которую нужно исследовать».

Он все-таки убрал руку и стиснул ладони так, что побелели костяшки пальцев.

«Исследовать», – пробормотал он и спросил неожиданно: «Вы мне верите? Я не спрашиваю: доказал ли я. Я спрашиваю вас: убедил ли? Верите ли вы?»

Он говорил не как ученый. Физик бы так не сказал, я знаю. Хэмлин спрашивал, будто священник, и я, не думая, ответил так, как отвечал нашему викарию, когда после исповеди он говорил: «Иди, сын мой, и не грешни больше».

«Верю», – сказал я.

И добавил: «Потому что нелепо». Наверно, первое слово я произнес вслух, а последние только подумал. Так мне кажется. Хэмлин кивнул и сказал:

«Теперь и вы ощущаете этот океан. Будьте осторожны».

Я представил себе рану в груди Хэмлина и содрогнулся. Он сказал:

«Думать вы можете о чем угодно. Даже о том, что я умер, и вы сплясали на моих похонах».

Мы посмотрели друг другу в глаза и поняли друг друга. Это, конечно, всего лишь слова, и я не могу раскрыть их содержание, потому что для этого не слова нужны, а то, что стоит за ними и для выражения чего слов не существует.

Он поднялся и пошел к двери.

«Что вы собираетесь делать?» – спросил я с беспокойством. Почему-то я знал, что Хэмлин обречен. Он не доживет до завтрашнего дня. Так бывает: смотришь на стакан, в котором недавно было до краев чистой и вкусной воды, и видишь вдруг, что он пуст.

У двери Хэмлин обернулся и сказал с невыразимой печалью:
«Ничего. Нет сил».

И вышел.

В дверь заглянул отец – без ружья, – внимательно на меня посмотрел, убедился, что все в порядке, и пошел следом за Хэмлином. По-моему, они даже не попрощались.

А утром Хэмлина не стало.

* * *

– Золотой шар, – заворожено произнес Алкин. – Вот, значит, как.

– Что? – не понял Гаррисон, и Сара тоже спросила:

– О чем вы, Алекс?

– Да так... Ассоциация.

– Мистер Гаррисон, – произнес Алкин осторожно, – мы слышали, что полиция не смогла установить, отчего умер Хэмлин.

Старик поднял седые кустистые брови.

– Ха, – хмыкнул он. – Говорите яснее, молодой человек. Не смогла! Сержант Арчи, нашедший Хэмлина мертвым, всю жизнь потом уверял, будто никакой раны в груди у мертвеца не было. Диккенс, главный констебль, осматривал тело час спустя и сказал, что Хэмлин умер от проникающего ранения в сердце. Они даже как-то чуть не подрались – Арчи и Оуэн – и долгое время не разговаривали друг с другом. Пожалуй, примиряло их то, что эксперт, приехавший из Лондона, обнаружил, что Хэмлина задушили. А еще говорили, но это, скорее всего, слухи... Мол, в Лондоне, когда телом Хэмлина занялся патологоанатом, выяснилось, что бедняга оказывается, утонул – в легких нашли воду. Утонул, а? В доме, где даже ванной комнаты не было, только душевая!

– Значит, это правда, – пробормотал Алкин. – Не местная легенда?

– Может, легенда, – равнодушно сказал Гаррисон. – Сейчас уже и не скажешь.

– Но вы только что...

– А что я? Сам я тела Хэмлина не видел. Правда... – он помолчал, бросил взгляд на стоявшую в дверях Флорес, поморщился, коснулся ладонью того места на рубашке, под которым скрывался рубец: – Правда, никто так и не объяснил, как он сумел... Или не он...

– Но вы ему поверили, – констатировал Алкин.

Гаррисон посмотрел ему в глаза:

– Да. Знаете... Так, наверно, верили Иисусу. Он протягивал руку, говорил о любви к ближнему, и грубые люди, которым вера запрещала убивать, но не заставляла любить, верили...

– Вы думаете, что Иисус понимал, в какой Вселенной жил, и, как Хэмлин...

– Не знаю, понимал ли. Может – ощущал, чувствовал?

– О чем вы говорите? – с беспокойством спросила Сара.

– Я объясню, – сказал Алкин. – Потом.

– Всю жизнь после тех дней, – тихо, ни к кому не обращаясь, произнес Гаррисон, – я старался не делать резких движений. Не в том смысле, чтобы руками не махать... ну, вы понимаете. Я так и не стал в фирме компаньоном и на фронте отсиделся в штабе, мне все время казалось, что смерти вокруг – порождение чего-то в моей душе. Думаю, я ошибался, но не мог чувствовать иначе. После войны вернулся на старое место и заполнял бумаги, пока не вышел на пенсию.

– Дженнифер... – начала Сара.

– Я не видел Дженни с той ночи, – покачал головой старик. – Она очень скоро выскочила замуж за Финчли и уехала из Бакдена. Наверно, потому и выскочила, чтобы уехать. Больше я о ней не слышал.

– Она умерла двадцать лет назад, – сообщил Алкин.

– Да? А я, видите, живой. Знаете, сколько мне? Девяносто три. Я дал себе слово дожить до ста. И доживу, уверяю вас. Потому что...

– Потому что вы поверили Хэмлину, – кивнул Алкин.

– Да. И память моя с того вечера стала, как у нынешних компьютеров. Наверно, память как-то связана с энергией, что внутри.

– Эту энергию сейчас называют темной, – сказал Алкин. – Ее изучают, уже составлены карты распределения... Правда, в прямых экспериментах на Земле темную энергию зафиксировать не удалось, она очень слабо взаимодействует с веществом.

Старик сделал рукой неопределенный жест – мол, это ваши проблемы.

– Но вы не могли не думать...

– Я, – сказал Гаррисон, – всю жизнь думал о том, чтобы не думать. Пример Хэмлина стоял перед глазами. Я не хотел... Надеюсь, у меня получилось. То есть, у меня точно получилось. Иначе я не прожил бы столько лет в здравом уме и твердой, очень твердой памяти.

– Память, да... – протянул Алкин. – Значит, вы помните, что произошло с другими? С Петерсоном и Коллинзом.

– Господа, – вмешалась Флорес, подойдя и решительно повернув кресло старика в сторону коридора, ведущего к комнатам, – мистеру Гаррисону пора принимать лекарства, это строго по времени, прошу извинить.

– Вот так всегда, – буркнул старик. – Все по часам. Прощайте, господа.

– Я спросил... – Алкин поднялся и пошел рядом с медленно катившимся креслом, колеса тихо скрипели, Флорес недовольно бормотала себе под нос, старик повернул голову и сказал:

– Я помню, что вы спросили. Вы хотите знать, сказал ли Хэмлин остальным? Он не успел посетить их в больнице, я так думаю. То есть, судя по тому, что с ними потом стало.

– Что с ними стало? – быстро спросил Алкин.

Кресло подкатилось к двери, и старик ухватился рукой за ручку, останавливая движение.

– Мистер Гаррисон! – с упреком сказала Флорес. – Пожалуйста!

– Джек, – старик крепко держался за ручку двери, – умер от рака в сорок девятом. Сэм погиб в сорок четвертом в Бельгии. А я живой и здоровый. Хорош, да?

Гаррисон трескуче рассмеялся, сложил руки на коленях, и кресло покатило дальше по коридору, хриплый смех старика отражался от стен и стал похож на хохот статуи Командора, пришедшей, чтобы забрать в преисподнюю грешную душу Дон-Жуана.

– Господи, – произнесла Сара, так и не выпустив руки Алкина, – какой страшный старик.

– Страшный? – удивился Алкин.

– Он совсем не умеет любить. Он... как статуя Командора.

– Я тоже об этом подумал, – признался Алкин.

Они вышли из холла в неожиданно промозглый, исчерканный косым дождем осенний вечер. Дневное тепло так резко сменилось похолоданием, что природа не успела приспособиться, и дождь казался не настоящим, а нарисованным на темном заднике, где проступали контуры деревьев, между которыми вспыхивал и исчезал свет автомобильных фар на линейке шоссе.

– Побежим? – сказал Алкин. – Если бежать быстро, не успеем промокнуть.

Ярко сверкнувшая молния осветила им дорогу.

В машине было холодно, Сара включила двигатель и обогреватель, Алкин стянул с себя успевший стать влажным пиджак и провел ладонью по мокрым волосам.

– Сара, – сказал он, – у вас платье... надо переодеться...

– Через десять минут будем дома. Ах, я же оставила в машине сумочку, могу себе представить...

Она достала телефон.

– Тайлер звонил девять раз! Представляю, как он беспокоится.

Алкин отвернулся к окну. Не надо, – думал он, – смог же Гаррисон заставить себя не делать резких движений. Правда, у него характер такой. А у меня? Могу я не думать о Бакли? Не думать о белом слоне. Не думать...

– Алекс, – Сара коснулась его руки, – о чем вы задумались?

– Ни о чем, – ответил Алкин с излишней резкостью.

– Тайлер, конечно, злится, – продолжала Сара. – Так я отвезу вас в Кембридж?

– Ни в коем случае, – твердо сказал Алкин. – Видите остановку? Высадите меня там, я поеду на автобусе.

– Но...

– Вы промокли, вам нужно домой, вас ждет Тайлер. Спасибо за все, Сара.

– Ну... как хотите.

Сказала она это с обидой или облегчением?

– Позвоните мне завтра, хорошо? – крикнула Сара, когда Алкин выбрался из машины и побежал, прикрываясь пиджаком, под козырек автобусной остановки.

* * *

Чайник уныло засвистел, недовольно сообщая о том, как ему не хочется греть залитую в него воду. Нормальное отношение к собственному призванию – умея что-то одно, делаешь это с таким видом, будто на самом деле тебя заставляют заниматься любимым делом из-под палки: пусть никто не думает, что ты получаешь от него единственное в жизни удовольствие.

Алкин передел рубашку и бросил влажную в корзину для белья, откуда ее утром заберет хозяйка, миссис Бенфорд, чтобы отправить в прачечную и по этому поводу потребовать с постояльца еще два шиллинга на «расходы, не предусмотренные договором о найме».

Налил себе чаю покрепче и, сделав первый глоток, неожиданно начал дрожать, будто ухватился обеими руками за оголенный провод. Он ничего не мог с собой поделать – накинул на плечи одеяло, положил ладони на горячую поверхность электрокамина, ничего не помогало, дрожь только усиливалась, а потом неожиданно прекратилась, когда Алкин уже думал, что это навсегда, и что утром миссис Бенфорд обнаружит на полу его трясущееся в припадке тело.

Может, надо было принять предложение Сары и остаться на ночь в Бакдене? В мотеле можно снять комнату. Тогда он сидел бы сейчас с Сарой... и с Бакли, конечно, куда ж ему деваться. Можно представить, каким напряженным был бы их разговор втроем. Нет, лучше уж... Третий лишний. И хватит об этом.

Жаль, рассказ Гаррисона не включишь в статью. В физике допустимы мысленные эксперименты, к ним обычно прибегают, если нет пока возможности построить прибор, собрать его из проволочек и гаечек или из гигантских магнитов и сложнейших камер слежения. С помощью мысленного эксперимента можно убедить сторонников, но противники все равно уйдут недовольными, сказав много лестных слов о вашей изобретательности и игривости вашего ума, но так и не приняв предложенные вами аргументы. В тридцать пятом – за год до трагедии в Бакдене, – Эйнштейн с двумя коллегами, Подольским и Розеном, придумал гениальный мысленный эксперимент, который определенно доказывал порочность главного принципа квантовой механики. И что же? Гейзенберг склонил голову, а Бор похлопал Эйнштейну? Действительно похлопал, об этом можно прочитать в мемуарах, но остался при своем мнении, а знаменитый мысленный эксперимент Эйнштейна-Подольского-Розена много десятилетий повторяли в

своем изощренном воображении лучшие физики планеты, не сумев опровергнуть, но не сумев и доказать, что так повергаются в пыль законы природы.

«Посмотрел бы я, – подумал Алкин, – как пренебрежительно отмахнулся бы Бор от слов того же Подольского, если бы рядом не стоял и не тряс своей седой запущенной шевелюрой сам Эйнштейн».

Хэмлин убедил себя в том, что ему ничего не оставалось, кроме как...

Он понимал, что его вера окажется сильнее любой самой мощной бомбы?

Наверное. Должен был понимать.

И что?

«Но какая это прекрасная физика!», – сказал Ферми, когда его обвинили в создании ужасного оружия.

Хотел бы я посмотреть на физика, вдруг понявшего, как от мысленного эксперимента перейти к реальному. Убеждающему. Опасному. С непредсказуемыми последствиями.

Мораль? Ответственность? Конечно, я буду очень ответственным – потом, когда получу результат. Когда докажу, что прав. Или, точнее – когда сумею убедить оппонентов в своей правоте.

Самый «тонкий» момент в том, что физика невозможна без психологии. Физики уже достаточно спокойно говорят о том, что наблюдение способно менять результат опыта. Но, добавляют, речь идет о процессах в микромире, где правит бал квантовая неопределенность. Однако, разве весь наш так называемый классический мир, вот этот, за окном, где струи дождя стекают по стеклу, отделяя относительное тепло комнаты от не менее относительного холода снаружи, разве этот чайник и эта чашка чая, и эта рука с посиневшими пальцами, разве все это описывается не теми же квантовыми уравнениями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.